

От победителя премий «Еврокон»//лучший дебют,
«Бегающая по волнам», «Книга года по версии Фантаста»

КАРИНА ДЕМИНА

ВОСТОК
ЗАПАД
ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Карина Демина
Восток. Запад. Цивилизация
Серия «Идеальное фэнтези.
Романы Карины Деминой»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70030153

Карина Демина. Восток. Запад. Цивилизация: Издательство АСТ;

Москва; 2024

ISBN 978-5-17-158298-2

Аннотация

Сплетаются вместе такие разные пути, связывают вместе таких разных людей.

И вот благородные леди преступают порог университета, где им категорически не рады. Но Милисента честно пробует обуздать такой непокорный дар, очнувшись от многолетнего сна ведьма пробует силы, а Эванора Орвуд осваивается в зыбком мире теней. Новообретенный племянник императора находит новых друзей и готовится вступить в очень тайное общество. Чарльз с прежним упрямством пытается добраться до заговорщиков, чтобы защитить семью и сестру...

А где-то там, под городом, почти очнулось от многовекового сна древнее и могучее создание, готовое... к чему? Заговорщики точно знают, как подчинить себе эту силу.

Или думают, что знают.

Карина Демина

Восток. Запад.

Цивилизация

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© К. Демина, 2024

© ООО «Издательство АСТ», 2024

Глава 1,

в которой состоялся откровенный разговор

Эва сама не могла сказать, с какого момента и, собственно говоря, зачем она вообще решила подглядеть за сестрой.

После представления?

Нет, конечно. Тогда голова была занята совсем другими мыслями. Странными. Путаными такими, в которых и удивление присутствовало, и радость, и... огорчение. Даже сперва радость, а потом она сменилась совсем-совсем уж огорчением.

Граф.

И племянник императора.

На императора тогда Эва и взглянуть побоялась, очень уж он показался грозным. И даже думалось, что вот он сейчас посмотрит в глаза Эве и все-превсе про нее поймет. Даже то, чего Эва сама не понимает. А он взял и...

– Кто бы мог подумать, – тихо произнесла маменька и поглядела на Эву как-то так... с жалостью?

Нет, Эва привыкла, что ее жалеют.

За несовершенство там жизненное. За то, что у нее ничего-то толком не выходит правильно. И вообще. В целом. Но тут стало горько.

Еще и Эдди...

Его мигом окружили, и те же Лизелотта с Дианой первыми подошли, точнее не сами, а их маменьки, но потом уже и они, и остальные, и...

– Вот и все, – мрачно заметила Тори, прищурившись. – Проворонила графа, сестрица.

Эва ничего не ответила.

Только подумала, что зато у нее перо есть.

Воронье.

Настоящее. И... и остаток вечера она запомнила смутно. Разве что вот танец. Она обещала и Эдди запомнил, хотя теперь, наверное, с ним любая с радостью танцевать согласилась бы.

Потому что граф.

И племянник императора.

Как такое возможно?

Она хотела спросить, когда он подошел, но взглянула на мрачное лицо и промолчала. Улыбнулась так, как учили, очень и очень вежливо. И танцевала, танцевала...

А потом, конечно, не удержалась и глупость ляпнула:

– Вы на него совсем не похожи.

Эдди хмыкнул и впервые улыбнулся. Наверное, глупость совсем смешной была.

– Знаю, – сказал он. – Общей крови у нас нет, а он... вот разве можно так с людьми-то? Без предупреждения.

И плечом повел.

Ткань фрака затрещала.

– Сочувствую. – Если уж говорить глупости, то от всего сердца. Тем более почему-то Эва и вправду сочувствовала. Хотя, казалось бы, как можно сочувствовать человеку, которому только что подарили титул и признали родственником императора?

Слово-то сказано при всех. И уж теперь, даже если император захочет, отказаться от него не выйдет.

– И эти вот еще... – Он мотнул головой. – Барышни, чтоб их...

– Что с ними?

Сердце Эвы сжалось.

– Да... страшно. Смотрят так, будто прикидывают, как загонять станут.

– Станут, – подтвердила Эва. – Всенепременно. Вы теперь очень ценная...

– Дичь?

– Именно. – Страхи вдруг отступили. И обида тоже. В конце концов, он не виноват, что оказался графом. И ладно бы просто... с просто графом Эва, может, и смогла бы породниться, несмотря на подпорченную репутацию.

О чем она только думает-то?

Но вот родственник императора...

И близкий.

Племянник – это вам не четвероюродный кузен по линии давно почившей прабабки. Племянник – это очень и очень серьезно.

И без разрешения императора он жениться не сможет.

А император никогда не позволит родственнику породниться с кем-то вроде Эвы... то ли дело Лилиан. У нее дедушка – герцог. И репутация безупречнейшая.

– В том-то и дело, не привык я быть дичью. – Эдди держал руку очень осторожно. – Не самые приятные... ощущения. Зачем я им нужен-то?

– Чтобы выйти замуж.

– Они же меня боятся. – Он вел и держался так, будто ему не впервой танцевать на императорском балу. И... и что Эва вообще о нем знает?

Кроме того, что он шаман и еще немного ворон?

И что клюв у него грозный, а перья, наоборот, очень мяг-

кие?

Кроме того, что он искал ее. Пускай Эва была ему никем, но искал ведь. И нашел. И пришел. Спас. А потом вернулся домой.

Достаточно ли этого, чтобы влюбиться? Или она вновь себе все придумывает? В прошлый раз ведь Эва тоже не сомневалась, что влюблена. И что эта любовь – та самая, истинная, которая от первого взгляда и до последнего вздоха. А сейчас, если подумать, она и лицо-то Стефано вспоминает с трудом.

Так какая любовь?

Или не в любви дело, а в самой Эве? В ее легкомысленности? Маменька рассказывала, что некоторые особы настолько ветрены, что могут влюбляться не в одного мужчину, а... в двух.

Или даже в трех.

Но это, наверное, точно выдумка.

Или нет?

– Это неважно. – Она сумела-таки собраться с мыслями, которые все норовили разбежаться. – Брата моего тоже боятся, но все равно норовят поближе подойти. Дело не в страхе. Дело в положении. Та, что станет вашей женой, она, во-первых, будет графиней.

Кажется, он хихикнул.

От нервов, наверное.

– А во-вторых, ваше родство с императором...

Точно хихикнул.

– ...позволит ей занять очень высокое положение при дворе.

– Понятно. А я?

– А что с вами?

– Зачем мне жена, которая меня боится?

– Ну... она привыкнет. Может быть. И вообще, вы вообще даже не страшный.

Он поглядел на нее так, сверху вниз. И может, сказал бы что-нибудь, но танец завершился, и Эдди галантно препроводил Эву к маменьке. Второй же раз приглашать не стал, и это было понятно.

Но и с другими не танцевал.

А потом вообще куда-то исчез к небывалому разочарованию дам. Эва остаток вечера думала... о всяком. И от мыслей становилось то грустно, то смешно, то вообще как-то так, будто бы ей все равно.

Уже в карете Тори заметила:

– Это будет забавно.

А маменька поглядела на нее и строго, как никогда прежде, произнесла:

– Ничего забавного в данной ситуации я не вижу.

Тогда-то Эва и решила приглядеть за сестрицей. Или все-таки позже? Когда дверь ее комнаты скрипнула? Комнаты-то, как и прежде, рядом. А двери скрипучие, хотя их смазывают-смазывают, но они все равно скрипят. Впрочем, Эва

знала, что у дома есть свой характер и что Тори он немного недолюбливает, тогда как в комнатах Эвы никогда ничего не скрипит. И сквозняков тоже не случается.

Не забиваются каминные трубы.

И сами каминные трубы горят всегда ярко. Перины мягки, одеяла легки, но сейчас все одно не спалось. Вот совершенно. От мыслей в голове. От того, что она запуталась, а распутаться никак не получалось. Хоть и вправду в монастырь уходи, но...

Но скрипнула дверь. И потом дом вздохнул еще.

А Эва поднялась.

И выглянула в коридор. Осторожненько так. И как раз вовремя, чтобы увидеть Тори, которая медленно шла куда-то. И главное, странно так. Два шага. Остановится. Еще пару шагов. И вновь остановится. И опять. И шаги эти такие... неправильные.

– Эй, – окликнула Эва, но сестрица даже не обернулась. Добравшись до лестницы, Тори застыла перед ней. В полутьме ее фигура просвечивала через тонкое полотно рубахи. И сама Тори казалась призраком, жутковатым, честно говоря. – Тори. – Эва решительно подошла и... поняла.

Спит.

Ее сестра стояла у лестницы с закрытыми глазами. И не решалась сделать шаг.

К счастью.

И... появилась подлая мыслишка отступить. Им ведь слу-

чалось во сне ходить. Раньше. В детстве. Когда Дар только-только начинал проявляться. Именно тогда Эва однажды и упала с лестницы. К счастью, ничего не сломала, но там-то, в имении, и лестница была в пять ступенек, невысоких, а тут...

Если Тори упадет, то Эва снова останется единственной дочерью.

Но...

Она осторожно взяла сестру за руку.

– Идем, – сказала ей, разворачивая. И Тори подчинилась. – Надо спать в кровати.

Шаг.

И второй.

И удалось отвести сестру к комнатам, и даже внутрь Тори зашла. И Эва с ней, конечно, чтобы увидеть прикорнувшую в кресле горничную.

Стало быть, маменька, или Берт, или отец заподозрили что-то такое, если приставили эту девицу. А она заснула.

– Ложись, – сказала Эва, подведя сестру к кровати. – Давай, спать пора...

Тори молча забралась в постель и легла на спину. Руки ее вытянулись вдоль тела, а глаза вдруг открылись. И Эва ужаснулась тому, до чего черными они сделались вдруг. Потом уж поняла, что глаза обычные, но зрачок расплылся.

– Сестрица, – сильным голосом произнесла Тори. – А я тебя вижу.

– Я тебя тоже вижу. Спи давай.

И Тори послушно закрыла глаза.

Эва некоторое время посидела рядом, раздумывая, безопасно ли оставить ее так. Потом попыталась разбудить горничную, но девица лишь бормотала что-то и пускала пузыри. И вздыхала еще так томно, как в романе.

В общем...

Тори, кажется, уснула нормально. И Эва вернулась к себе, решив, что утром обязательно расскажет обо всем маменьке. Пусть или горничную заменят, или дверь закрывают. А то и вправду сверзится сестрица с лестницы и шею свернет.

Не то чтобы сильно жаль, но... как-то это не по-родственному.

А утром Тори явилась сама. Рано. Эва еще и из постели не выбралась, а она уже тут. Умыта, одета и волосы даже заплела в косу.

– Поговорить надо, – сказала сестра, усаживаясь на кровать. – А ты все такая же соня. И копуша.

– Будешь дразниться, – Эва подавила зевок, – сама с собой и разговаривай.

Тори хмыкнула.

– Не говори маме.

– О чем?

– Ты знаешь.

– О том, что ты...

– И соображаешь туго. – Тори поглядела на потолок.

– Это опасно. – Эва выбралась из кровати, чтобы сесть.

Раньше им случалось сидеть вот так, вместе. Рядышком. Но давно. Там, в имении, когда они тайком пробрались на чердак, потому что Тори была уверена, что где-то там, на чердаке, сокрыты древние сокровища. Эва еще сомневалась, что им там делать.

Но Тори всегда умела убеждать.

И в тот раз тоже.

Сокровищ они не нашли, зато отыскивали сундук со старинными нарядами. И пусть их частью мыши поели, но ведь все равно интересно было. И зеркало то, с трещиной. И еще много другого. А потом, уже вечером, оставленные без ужина – их тогда все обыскались, – они сидели на подоконнике комнаты Эвы, смотрели в ночь и разговаривали о чем-то безумно важном.

Почему потом все пошло не так?

– Да ладно...

– Ты могла свалиться с лестницы. – Эва вытянула ленту из косы. Волосы опять растрепались, и расчесывать их придется гребнем долго. – А здесь лестница такая, что...

– Шею сверну?

– Именно.

– Мне надо.

– Куда?

– Сама не знаю. – Тори обняла себя. – Я спать боюсь. И в то же время... сложно объяснить. Понимаешь, я так уста-

ла тогда. Помнишь, маменька все время твердила, что мы должны то, должны се... быть лучше всех. Идеальные юные леди. Манеры, все остальное...

– У тебя ведь получалось.

– И у тебя бы получилось, если бы ты захотела.

– Я хотела!

– Да ну... ты вечно отвлекалась. Просто брала и отвлекалась! И забывала! Тебе целый день твердили о чем-то, а ты потом раз и... а я так не умела! Если бы ты знала, до чего это утомительно... а еще первый бал. Маменька о нем заговаривала, а я только представила, как на меня все будут смотреть, и мне поплохело! И... и курицы эти еще.

– Кто?

– Джемма. И Сара Уайтхилл. Катарина...

– Вы ведь дружили!

– Как бы не так, – фыркнула Тори. – Только такая наивная овца, как ты, могла поверить в эту дружбу.

– Сейчас в нос дам.

– Такой ты мне нравишься больше. А дружба... мы вроде бы и дружили, но каждый раз они давали понять, какое делают мне одолжение. Я ведь из Орвудов! Из тех самых Орвудов, которые некроманты, которые...

– Страшные и ужасные?

– Проклятые.

– Просто невыносимые. И рядом с ними нельзя даже стоять...

– Точно.

Они переглянулись.

И Эва улыбнулась, робко так.

– Я подумала, что... вот будет бал, – продолжала Тори. – Дебют. И маменька ведь выберет не абы так, а самый-самый важный бал...

– Как у герцогини?

– Точно. И там ведь будем не только мы. Там... там соберутся все дебютантки, кто хоть что-то из себя представляет. И мы. И... вот представь, что все танцуют и веселятся, а мы стоим у стены. Целый вечер. И все это видят. Перешептываются. Пальцами не показывают, но и так понятно, что мы... мы...

– Орвуды, – сказала Эва.

– Да.

– Маменька бы этого не допустила, сама понимаешь. Она отписала бы... кузенам. И Берт тоже.

– Понимаю, конечно. Но я... испугалась. Я решила, что потренируюсь. Там. Во снах. Ты же знаешь, что у меня отлично получалось со снами. Вот я и подумала, что могу как-то... свой бал устроить. Во сне. Там ведь все будет именно так, как я хочу.

Тихий вздох.

И удивление. Разве Тори могла вот так? Бояться? Она никого и никогда не боялась!

– И получилось. Раз, другой... потом ужин семейный, ко-

гда... когда все рады и довольны. Мама улыбается. Папа... Это затянуло. Я сама не заметила, как увлеклась. И... потерялась.

– Ты?

– А думаешь, я по своей воле там пару лет проторчала?!

– Ну... – Признаваться, что Эва думает именно так, не хотелось.

– Все просто. Я создавала мир. И уходила в него. Дальше и дальше. И однажды поняла, что вокруг только он, созданный мною мир. И деваться мне от него некуда совершенно. Я попала в собственную ловушку. Дом. Семья. Любящая. Готовая исполнить любой мой каприз. Ненстоящая. А выйти я не могла!

– Извини. – Эва отвела взгляд. Почему-то было очень стыдно, хотя уж она-то отношения к случившемуся не имела.

А еще почему-то приятно, что Тори тоже далеко не совершенство. Хотя истинная леди не допустила бы подобных мыслей. Но Эва уже поняла, что истинной леди ей не стать.

– Там и время идет совершенно иначе. Я... жила и жила, и... если куда и получалось выглядывать, то в чужие сны. Мысли. Ты бы знала, какие пакости люди видят. А уж думают... Однажды, – Тори передернуло, – я заглянула в одного человека. Случайно. Он... он убивал. Девушек. Совсем молоденьких. Долго, мучительно. Я так испугалась, что... что потом долго не решалась выйти. Все казалось, что он меня обнаружит, дотянется – там тоже не так безопасно. А потом

вдруг появилась ты. И... и сбежала.

– Извини, я не знала, что ты на самом деле потерялась. – Может, Эва далеко не истинная леди, но умеет признавать собственные ошибки.

– А я не сказала. Мне вдруг стало так невыносимо стыдно! Я ведь всегда была сильной! А тут вот все это...

– И ты ко мне прицепилась.

– Ну... я подумала, что если прослежу, как ты приходишь и уходишь, то сумею вернуться. А ты... ты вдруг исчезала. Раз, и нет. И я не могла понять, как это происходит.

– Я сама не понимаю, – призналась Эва.

– Я стала тебя искать. И вдруг оказалось, что я могу. Найти. Не только тебя. Отца. Мать. Если сосредоточиться. Если отделить выдуманное от настоящего. Это непросто, но у меня получилось! И я нашла выход!

– Я рада. – Это Эва произнесла серьезно. А Тори кивнула.

– Извини, что... Я просто испугалась, что вы поймете, какая я... дура.

Сестру Эва не обнимала целую вечность. А уж чтобы та...

– Я не позволю этим курам нас обижать, – сказала Тори сестре на ухо. А Эва кивнула. И она тоже не позволит. В конце концов, на балу можно и у стены постоять. Если вдвоем, то даже с интересом, поскольку Тори всегда умела высказываться как-то так... они точно не заскучают.

– Думаешь, на балу у герцогини будет Лилиан?

– И не только она... Спорим, эта курица вырядится так,

чтобы все сразу поняли, что у папеньки капиталы? – фыркнула Тори, отстраняясь. – Она никогда не умела вовремя остановиться. И судя по тому ужасному платью, которое она напялила в прошлый раз, за эти годы мало что изменилось.

– Еще бы. А Диана так же млеет от розового.

– Ей он категорически не идет.

– Но это никогда не мешало ей выражать свою к нему любовь... – Эва прикусила язык. Никогда раньше она так ни злословила.

Или...

Почти никогда.

– Я не хочу опять потеряться, – сказала Тори.

– Ты едва не упала.

– Я... знаешь, я ведь понимала, что происходит. Видела. Я снова была там, но все равно не до конца. И... меня тянуло. Вниз. Только тело ощущалось таким... словно чужим. И я пыталась вернуться.

– Поэтому останавливалась?

– Да. И горничную, кажется, тоже я... Твой... знакомый, он назвал меня ведьмой.

– Он не со зла.

– Нет. Это, кажется, правда. Иногда я вижу в людях что-то такое. Это не Дар. Дара у меня нет. Но есть способности. Хотя... все это ерунда. Мне надо вниз.

– Куда?

– Понятия не имею! Но если я не спущусь... Понимаешь,

будто зовет кто-то. И ему плохо. Очень-очень. А я могу помочь. Если не помогу, то он уйдет. И я с ним тоже. Уже не понимаю, почему.

– Надо рассказать отцу.

– Надо ли? – Тори поморщилась.

– Надо. – Эва дотянулась до столика. – Расчешешь мне волосы? А то сама я вечно их выдираю. Но рассказать следует обязательно. Если не отцу, то Берту. Мы с тобой наделали прилично глупостей.

– Это да. – Тори взяла щетку. – Только не вертись. Ты никогда не умела сидеть спокойно.

– И не научилась.

– Зато научилась огрызаться, а это, поверь, куда как полезнее.

Эва поверила.

Почему бы и нет. А вот волосы Тори умела расчесывать как никто другой.

Глава 2,

где появляются гости и какой-никакой смысл жизни

– Ах, вы и правда жили в степях. – Девушка нервно моргну-

ла и попыталась изобразить заинтересованность. – Это так... романтично. Я себе и представить не могу.

Она снова моргнула и покосилась на пухлую даму в темно-зеленом платье. Платье было в узкую полоску, и оттого дама сливалась с диванчиком, на котором устроилась.

В руках дама держала фарфоровую чашку и на девуцу глядела поверх нее, строго и требовательно.

– Извините. – Девуцу стало жаль, себя еще жальче, и Эдди поднялся. – Но мне пора идти. Дела.

Он поклонился матушке, и та кивнула в ответ.

Вот ведь...

Поневоле начинаешь радоваться, что на территории этого самого университета женщин нет. То есть не было. Теперь будут. Но Милисента – дело другое, как и Эва, которая, может, и похожа на леди, но уж его-то точно не боится. А эти...

Заявились.

Вот с того вечера и потянулись. Сперва прислали кучу визитных карточек, которые матушка разбирала, благо не требуя участвовать в этом преувлекательном процессе. Потом начались визиты.

Матушкиных подружек.

А у тех подружек вдруг оказывались юные и прекрасные родственницы, которых вот прямо срочно требовалось представить.

Родственницы представлялись.

Бледнели.

Одна, наиболее трепетная, и чувств лишилась, чем вызвала недовольство сопровождавшей ее дамы. И тогда-то Эдди подумал, что сбежит.

Не удалось.

А теперь вот...

– Дорогой. – Матушка вежливо постучала в дверь его комнаты, прежде чем войти. Неужели все же бросила гостей?

– Да?

Эдди ослабил узел галстука.

Как удавка, право слово.

– Все хорошо?

Он хотел сказать, что да, но...

– Нет, – вырвалось неожиданно даже для себя. – Прости, матушка, но это все не для меня. Может, мне и впрямь вернуться... Туда.

Сказать «домой» язык не повернулся. Там дома как раз и не было. И тут тоже. А где? Кто ж его знает.

– Потом. Когда завершишь свои дела. – Она поставила огромную кружку на столик. И откуда взяла? Эдди казалось, что таких-то в доме точно нет.

– Потом, – согласился он.

И чай заварен крепко, а не так, как тут принято. Вон, до черноты. И никакого молока. А сахару... он принюхался. Так и есть, не пожалели.

– Извини. – Матушка села рядом. – Мне стоило подумать, что для тебя все это будет мучительно.

– Почему ты не сказала?

– О чем?

– О том, что ты...

– Сестра императора?

– Именно.

– Да как-то вот... – Она провела ладонью по ткани. – Я не была уверена, что он обрадуется моему возвращению. Оно все же создает некоторые проблемы. И для него в том числе. Да еще брак этот мой морганатический.

– Чего?

Матушка поглядела с легким упреком:

– Не притворяйся глупее, чем ты есть. Я-то тебя хорошо знаю. Я вышла замуж за человека, который много ниже меня по положению. Более того, он вообще не имел титула. И следовательно, я утратила право на свой. Но...

– Кровь – это не титул.

– Верно. И... мы никогда не были особо дружны с братом. Он сложный человек. Наверное, император и не может позволить себе быть другим. Как и слабости. И родственных чувств в принципе.

– Он мог сделать вид, что тебя не знает.

– Мог бы. Или просто сослать куда подальше от города. Запретить появляться в обществе. Запереть в лечебнице для душевнобольных. Он многое мог.

– А вместо этого он назвал меня племянником!

– Не кричи. Слуги здесь верные, но все одно не стоит да-

вать им повод для сплетен. Пей чай. Кстати, Семптоны – это императорская ветвь. Одна из. Мертвая ныне, но теперь получит новую жизнь.

– Я не просил.

– Я говорила ему, что ты не слишком обрадуешься. Но ему показалось забавным.

– Сделать меня графом?

– Видишь ли, дорогой, все немного сложнее. Сын моего брата – мой племянник и наследник престола – он болен. Seriously. С рождения слаб здоровьем, и все надеялись, что со временем он это перерастет, но становилось лишь хуже. Сейчас надежды почти не осталось. И теоретически ты можешь...

– Нет! – Вот теперь стало по-настоящему страшно.

– Видишь ли, совокупность факторов такова, что женщину на престоле не примут. Разве что в качестве супруги будущего императора, таким символом преемственности власти. И крови. Поскольку кровь тоже важна. Мой брак лишил меня титула, но не принадлежности к семье. Ты же усыновлен по всем правилам и законом уравниен с прочими детьми.

Эдди задумался.

С чего вдруг император взял да и признал это усыновление и родство? Он ведь мог просто перечеркнуть все эти бумаги. И не надо говорить, что закон стоит выше.

После минутного знакомства уверился, что Эдди достоин занять трон? Да хрена с два.

– Чего он хочет?

– Скажем так, он подозревает, что заговор этот... не до конца ликвидирован. Что есть те, кто поддерживал заговорщиков, по старому обычаю оставаясь в тени.

Не было печали.

Дерьмо.

Кругом одно дерьмо.

– И поэтому пожаловал мне титул?

– Именно. Граф Семптонский – такой титул получали как правило незаконнорожденные отпрыски императора. Он временный. Своего рода титул признания.

– Что? Он же... Нет, это бред! Он всерьез думает, будто кто-то поверит, что я – его незаконнорожденное дитя? Которое что?

– Знаешь, дорогой, – матушка печально улыбнулась, – люди скорее поверят в то, что ты – его незаконнорожденный сын, которого я воспитывала на краю мира, искупая вину за неудачный брак, чем в то, что...

– Что ты просто взяла в дом мальчишку из ниоткуда?

– Ты не из ниоткуда.

– Для тебя.

– Именно. И помни об этом.

– Я и не забываю. Но... он мог бы и меня спросить, – проворчал Эдди. Чашка аккуратно устроилась меж ладоней. И грела. И было тепло, даже приятно, если отрешиться от всего того, что вокруг.

Отрешиться не выйдет.

– Он все-таки император.

– Он тебе угрожал? – Если так, Эдди не посмотрит на корону, свернет засранцу нос на бок.

– Нет. – Матушка усмехнулась. – Он никогда в жизни не опустил бы до угроз. Он все-таки император, – повторила она.

– И от этого не может быть засранцем?

– Еще как может. Более того, чаще всего ему и приходится им быть. На деле все сложнее. Мне тоже этот вариант не слишком понравился, как и ему. Говоря по правде, будь другой выход...

Но другого, приемлемого, не нашлось.

Или искали плохо, или опять Эдди чего-то не понимает.

– То есть он думает, я настолько впечатлю заговорщиков, что они зашевелиятся? И постараются... что? Меня угробить, чтобы ненароком трон не занял?

– Скорее уж попытаются с тобой договориться. Угробить тебя крайне непросто. – Матушка улыбнулась уголками губ. – Хотя он и опасался...

Вот уж во что Эдди не верил, так это в то, что свежееобретенный родственничек за него опасается.

– Как ни странно, но на троне ты бы многих устроил.

Не приведите степные боги!

Эдди поспешно глотнул чаю. И едва не выплюнул. Горячий, зараза!

– Это кружка с подогревом. – Улыбка матушки стала шире. – Нашла в одном премилом магазинчике. Так вот, извини, не хочу тебя обидеть, но ты выглядишь...

– Как дикарь?

– Как орк-дикарь. А о них здесь сложилось весьма однозначное впечатление.

И надо полагать, не самое лучшее. Хотя... чего уж тут. Даже там, дома, орков опасаются, но не настолько, чтобы признать равными.

– Дикарь, стало быть.

– Именно. Ограниченный. Примитивный. И управляемый. А это, поверь, самое желанное качество будущего императора.

– Для кого желанное?

– Для того, само собой, кто захочет им воспользоваться. Так что, полагаю, весьма скоро с тобой постараются свести знакомство.

– Мне показалось, что уже.

– О, это только первые ласточки, так сказать.

Эдди поежился.

– Дамы высшего света всегда умели чують... перспективы. – Матушка щелкнула пальцами. – Пока слух только-только пошел, но сам титул и близость к трону делают тебя весьма завидным женихом.

– Не было печали.

Найти бы того предсказателя и морду набить.

– Весьма скоро какая-нибудь юная особа явится не в сопровождении тетушки или матушки, но вместе с братом. Кузенком. Или еще каким-нибудь родственником. А уж тот постарается познакомиться с тобой... ввести в круг.

– И что мне делать?

– Ну а что делают дикари с точки зрения цивилизованных людей? Естественно, пьют и буянят.

Понятно.

Эдди поморщился и уточнил:

– Насколько сильно буянят?

– Желательно, чтобы... скажем так, некоторое членовредительство допустимо, но Джер просил никого не убивать без особой на то необходимости.

Как расплывчато.

– Постараюсь, – буркнул Эдди и все-таки вдохнул сладкий аромат чая.

– Еще в долг бери.

– Зачем?

– Расписки. Деньги – один из наиболее удобных способов повлиять на человека. Вероятнее всего, тебя постараются втянуть в игру. Бега, скачки, карты...

Чай настоялся. Горький и сладкий в то же время.

– Играй. И проигрывай. Пожалуйста.

– А если наоборот?

– Иногда. Пусть сочтут, что дело в везении. Но... не всегда игра будет честной.

Стало быть, благородные господа шулерством не брезгуют? Дома бы за такое руки переломал бы, а тут придется сдерживаться.

Или нет?

Передергивать карты можно по-разному. И даром ли Эдди учился.

– А не получится так, что я вдруг останусь должен много-много денег разным... людям?

– Нет. Его императорское величество оплатит твои долги. Но сперва вы поругаетесь. Крепко. Из-за этих самых долгов. Эдди вздохнул.

Как же он устал. А ведь еще ничего толком и не началось.

– Несколько дней назад Джеральда пытались отравить. Клодин, его старшая дочь, слегла. У нее вдруг обнаружились серьезные проблемы с Даром, хотя он слабый и прежде ничего подобного не происходило. – Матушка говорила это чуть в сторону. – Джер отправил девочек на побережье, якобы им вреден здешний воздух. На самом деле...

– Боятся, что отравят?

Это меняет дело. Пусть даже Эдди толком не знаком с этими... кто они ему, к слову? Кузины? Но они – матушкина родня. И матушка о них беспокоится.

– Боятся. И Арни... мой племянник, он давно живет в крепости. Морской воздух полезен. И сам говорит, что ему там легче. Для всех он – ученый, который ведет изыскания. Но главное, что в Клиффорде до них не добраться.

А в том, что добраться попробуют, нет сомнений.

– Кто?

– Пока неизвестно. И понимаешь, яд этот... он и не яд словно. Джер говорит, что выпил чаю и... утратил Дар. Вдруг. Потом Дар вернулся, но брат все одно чувствовал себя дурно. Вызвал целителей, но те ничего не обнаружили. Джер решил было, что дело в... нервах.

Матушка чувствовала себя виноватой. И пожалуй, Эдди мог бы ее понять.

– Но тут Клоди слегла. И что характерно, то же самое: ни симптомов, ни... Один из дворцовых целителей вспомнил, что сталкивался недавно с чем-то подобным. Коллега к нему обращался. Он и отправил за этим коллегой. А... там все сложно. Жизни девочки, к счастью, ничего не угрожает, но вот вернется ли Дар – вопрос.

Эдди допил чай.

И поднялся.

– Хорошо, – веско произнес он. – Передай дорогому... дядюшке...

И как язык-то не отвалился, сказать такое?

– Что будет ему дикарь. Образцово-показательный. Только... может, тебе тоже на побережье? Мне всяко спокойней будет.

– Дара у меня нет. – Матушка взяла кружку. – И прав на престол тоже. Кому я интересна сама по себе? А вот советом помочь могу.

– И... – Эдди вдруг спохватился. – Слушай, я ведь Чарли обещался в университет.

– Знаю. Джеральд сказал, что лучше и быть не может. Там легче свести правильные знакомства. Но все равно. – Она поглядела снизу вверх, и в глазах ее Эдди увидел беспокойство. – Ты осторожнее, хорошо? Брат мне дорог, но вы с Милли – дороже. Если почувствуешь опасность, бросай все и беги.

– Дикари, – Эдди усмехнулся, – не бегают. Особенно если у них есть правильная дубина.

И погладил дудочку.

На дубину она не походила, но тем и лучше.

Глава 3,

в которой почти ничего не происходит

Три огненных шара зависли под потолком. Я лежала на кровати, глядя на них и вяло раздумывая, что шары стоило бы притянуть и упрятать, правда сперва найти, куда именно прятать. Но двигаться было лень.

И вообще...

– Хочешь? – Перед носом появилась конфета.

Я прикрыла глаза, потому что... потому что хотела. И во-

обще, не дело это, пользоваться чужой слабостью, особенно когда женщина страдает.

А я страдала.

Пыталась.

Но страдать с шоколадом за щекой получалось плохо. И я все-таки села, чтобы поглядеть на мужа.

– И?

Он молча протянул еще одну конфету. А в руках целая коробка, та, деревянненькая, с тиснением. И шоколад на сей раз разный, этот с орешками даже.

– Скажешь, что она не обязана была предупреждать?

– Не обязана, – согласился Чарли, покосившись на шары.

– Я их контролирую. – Я протянула руку. – А какие там начинки?

– С белым шоколадом...

– И такой есть?

– Есть. С сушеной клубникой. С лесным орехом. С вишней в коньяке... и еще что-то. Честно, сам не знаю. Но, Милли, вряд ли ваша матушка сделала это специально.

– Ага, совершенно не специально! Не специально пряталась от нас пару недель. Не специально не говорила об этом... императоре, чтоб его. Мог бы, между прочим, и промолчать.

Я взмахнула рукой, и шары под потолком закружились, опасно приблизившись друг к другу. И по синей поверхности побежали искорки.

– Если они столкнутся, – заметил Чарльз, вытаскивая еще одну конфету, которую нагло отправил в собственный рот, – будет взрыв. А дом защищен, конечно, но не настолько, чтобы выдержать. Я уж про нас не говорю.

– Извини. – Я вздохнула.

Муж, если разобраться, не виноват. И никто не виноват. Кроме матушки, которая взяла и хитрым образом исчезла во дворце.

– Что-то я нервной стала.

– Мой Дар проявился рано. – Чарли устроился на полу и похлопал по ковру рядом с собой. – Но первые годы, честно, помню смутновато. Я и вправду, кажется, только и делал, что ел. Это вечное чувство голода. Ходил... в одном кармане орешки, во втором – сухарики. И грыз, грыз...

Я сползла на ковер. А что, красивый. Толстый. Мягонький. И сидеть тепло. А обида почти истаяла. И да, я не маленькая. Я понимаю, что, если бы мама могла сказать, сказала бы.

Запретили?

Или... она не была до конца уверена, что братец не переиграет?

Или наоборот, он потребовал молчать? Непонятно. Но ясно одно, что матушка... с матушкой я поговорю. То есть сперва Эдди поговорит, а потом и я, когда совсем успокоюсь. А то и вправду стала какой-то нервной чересчур. Еще обижу ненароком.

А так...

Шары все кружились, кружились. Красиво, если подумать.

– В первые годы Дар прибывает потихоньку, буквально по каплям. – Чарльз поставил коробку на колесо. – Выбросы случаются, но обычно если Дар обещает быть ярким.

– И у тебя?

– Спалил однажды гостиную...

Приятно знать, что ты не одна такая. То есть пока я еще ничего не спалила. Но чую, если вдруг, то гостиной не обойдется.

– А вот когда стал взрослеть, случился скачок. Тоже не то чтобы совсем уж редкое явление. Сейчас, правда, говорят, что да, редкое. Тогда и характер испортился.

– У меня не испортился!

– Конечно, нет! – бодро соврал муж.

– Сильно заметно?

– Не слишком... ты же сама сказала, что злишься. Это тоже нормально.

Еще бы. Едешь такая на край мира, вместе с мужем, к счастливой новой жизни. А тут тебе и не слишком рады. И потом выясняется, что твоя матушка...

– А Эдди графом сделали, – наябедничала я. – Хотя ты же там был, знаешь.

– Знаю. – Чарльз усмехнулся. – Хорошая шутка.

– Шутка?

– Граф Семптонский – титул весьма своеобразный. На самом деле такого графства нет.

– Как?

Выходит, Эдди обманули?!

– Вот так. Этот и еще пара других титулов. Они настоящие, просто безземельные. Их придумали, скажем так, для особых случаев.

Я протянула руку, и шары остановили движение, чтобы опуститься чуть ниже. Я ощущала связь с ними. И управлять тоже могла. Не совсем, но вот... выше поднять. Ниже.

Или в другую сторону хоровод запустить.

– Иногда у императора или у кого-то из ближайшей его родни появлялся ребенок. И часто бывало так, что ребенок этот...

– Незаконнорожденный?

Чего он мямлит? Такое не только с императорами случается. Вон, поговаривали, что Летти Шеффилд – незаконнорожденная дочка нашего шерифа, который, может, и та еще сволочь, но землицы ей в приданое прикупил. И не только землицы...

– Да. Дело в крови, Милисента. У императора особый Дар. Он не всегда проявляется, как у твоей матушки. Поэтому за детьми приглядывают. Воспитывают при дворе. Наделяют титулом.

– Графа Семптонского?

– Да. Хотя последний граф почил лет этак двадцать назад.

Говорят, был довольно своеобразным человеком.

– Погоди, но если этот титул таков, то... нет, это безумие!

Никто же не поверит...

– Может, и нет. А может, и да. Порой удивляешься тому, во что люди готовы верить. Смотри, что у меня есть!

– Помимо конфет?

А коробка-то наполовину опустела. И главное, не все-то из нее я тягала, Чарли не отставал.

– Что? – Он поглядел на меня пренебрежительно. – Я, между прочим, тоже с Даром маюсь, а шоколад – силы восстанавливает. Все маги на самом деле страшные сладкоежки. Но обычно это как-то скрывают.

– Почему?

– Неудобно. Считается, что сладкое – это для женщин.

– Правильно считается. – Я отобрала коробку. Не такая она и большая, чтобы двоим хватило.

– У меня еще одна есть, – успокоил Чарльз. – На самом деле затевается какая-то игра. Пока не знаю, какая, но думаю, скажут. И...

– Опасная?

– На этом уровне других не бывает.

– Эдди...

– Я его не брошу.

– Даже если велют?

– Император не вправе требовать поступков, которые наносят урон чести. Он это знает.

Как и то, что мой муженек – слишком большой чистоплюй, чтобы согласиться на подобное. И потому потребует у кого-нибудь другого, не такого повернутого на вопросах чести.

Чарли вздохнул.

Кажется, и он понимал это.

– У меня есть... знакомый, который может кое-что прояснить. Хотя, подозреваю, и он не знает всего.

Никто не знает всего.

– Слушай, ты меня заговорила.

– Я?

– Вот. – Чарльз вытащил из кармана бархатную коробочку, в которой обнаружилась крупная подвеска с бледным розовым камнем. Красивым. – Это тебе!

Я перевела взгляд на потолок.

– Да нет, просто... я ведь так ничего и не подарил тебе на свадьбу. Я раньше выбрал, честно. Думал вручить перед этим представлением, но как-то замотался...

Камень был чуть меньше того сапфира, который свекровь припрятала подальше, наверное, чтобы ювелиру показать.

– Это...

– Алмаз. Розовый. Африканский. Мне так сказали, но могли и соврать.

– Соврать, что алмаз?

Не сердце. Не знаю, как называется эта огранка, но камень будто прямоугольный. И... и внутри искорки. А еще руки к

нему сами тянутся. Я прямо почувствовала, что мне срочно, просто жизненно необходимо потрогать его.

– Нет, что африканский. Алмаз. Я проверял. И чистота хорошая, годится для артефактов.

А сколько стоит, о том лучше не спрашивать.

– Извини. – Я ощутила, как рот наполнился слюной. Нет, я ведь не хочу сожрать камень? Точно? С облегчением выдохнула, сообразив, что сожрать не хочу, а вот потрогать...

– Правда, ничего сложного сделать не успели, просто...

– Чарли, помолчи. Он чудесен.

Я вытащила тонкую цепочку и прижала камень к щеке. Правильно – алмаз и золото, золото и алмаз. Буду надеяться, что это тоже из-за Дара, энергии и всего остального, а не потому, что я все же слегка свихнулась.

Шары под потолком затрещали.

И опустились.

Ниже.

Еще ниже... и на ладонь. В камень Сила уходила, что вода в сухую землю. А я видела ее, там, внутри, видела, как она наполняет алмаз, как... меняет его.

Самую малость.

И еще.

И третий тоже... вот так... а дальше что?

– Если хочешь получить артефакт, то нужно задать послыл. Свойство.

– Как?

– В нормальных условиях путем длительных расчетов и точечного воздействия, но ты просто попробуй представить, чего от камня хочешь.

А чего я хочу?

Кабы я знала...

– Допустим, чтобы защищал. Скажем, от опасности...

Это уже было, в том, синеньком... но да, почему бы и нет? Кто сказал, что нельзя повторить? Тем более синий – это не мой, а вот розовый – очень даже мой.

– И в конце проводят привязку к ауре хозяина, но тогда задают условия, при которых артефакт можно перенастроить, скажем, в случае продажи или гибели хозяина. Но чаще привязывают на кровь. Кровь несет характерный отпечаток и у родственников схожа. Правда, тогда управлять артефактом сможет любой человек, кровь которого камень примет.

Интересно.

И...

Не то.

Я закрыла глаза и села, взяв камень в руку. Поднесла его к губам и выдохнула. Почему-то рукам стало жарко, и... жар тоже ушел внутрь.

Это мой.

И... моих детей, если будут у меня дети. И детей моих детей тоже. И всех, в ком есть моя Сила... Сила – это почти кровь, почему-то опираться на нее мне кажется более правильным.

Да.

Именно так все.

А если кто вздумает украсть... от самой этой мысли в глазах потемнело. Мое! Никогда и никто... Надо успокоиться. Надо... Вор, посягнувший на собственность моей семьи, будет наказан!

Именно.

Я почувствовала отклик и улыбнулась.

– Вот так. – Я открыла глаза.

– Ты все-таки подпалила гостиную, – сообщил Чарльз, засовывая за щеку последнюю конфету. По ковру пролежала не очень длинная, но широкая черная полоса.

Это же... это...

– Ты огнем дохнула, дорогая.

– Я не нарочно! – Пальцы разжались, остывающий камень выпал из рук и повис на цепочке. Алмаз больше не был розовым.

Он потемнел.

И... разве бывают алмазы вишневого цвета? Хотя, конечно, красиво получилось.

– Красиво. – Чарли протянул руку, но тронуть не решился. – Можно?

Я подала цепочку.

– Теплый. Горячий даже. И что-то такое... Знаешь, я ощущаю Силу внутри, но не могу понять ее суть. Впрочем, я тут сам на днях тоже натворил кое-что. А ведь говорили мне,

что артефакторика в жизни пригодится. Но разве я слушал – я же боевой маг, к чему мне артефакты? Они для тех, у кого Силы мало.

Он вернул камень.

И помог цепочку застегнуть. Я засомневалась, носят ли леди такие украшения просто так, без повода, но... леди пусть делают что им вздумается. А я вот буду носить.

Мне с камушком как-то спокойнее.

– Паркет не пострадал. – Чарли приподнял ковер и подал мне руку. – Маменька сказала, что к вечеру придет модистка...

– Опять?!

Да сколько эта страшная женщина сюда ходить может?!

– Тебе нужен гардероб.

– У меня уже есть один!

Я представила вечер в окружении тканей, кружев, лент и прочей безумной мишуры. Нет уж, я... у меня нервы! Я не готова.

– Маменька сказала, что там лишь основное, а тебе нужны еще платья.

Вот уж не было печали.

– Домашние, для прогулок, для визитов, вечерние опять же. И бал скоро...

Я уставилась на потолок. Интересно, а если у меня опять случится выброс энергии, это сочтут достаточно веской причиной, чтобы не идти на бал? Что-то сомневаюсь крепко.

– Университет опять же.

– Что, и для него специальные платья нужны?

– Понятия не имею. Но ты должна выглядеть как...

– Племянница императора?

– Леди Диксон.

Я закрыла глаза.

– Домой хочу!

– Потерпи.

– Сколько?

– Пока Дар стабилизируется. И... пока не разберемся со всем этим безумием.

А когда сие случится, никто не знает. Чую, что не скоро. Да и что-то не уверена я, что теперь нас так просто возьмут и отпустят.

Но верить в счастливое будущее хотелось.

– Хочешь, я скажу маменьке, что ты переживаешь? Мерки твои есть, потом, если что, просто подгонят по фигуре.

– А так можно?

– Почему нет. Хотя обычно леди сами любят выбирать.

– Я не леди.

– Леди. – Он щелкнул меня по носу. – Просто... очень особенная.

Камушек на груди потеплел. И стало так приятно, что еще немного, и расплачусь. Господи, да когда уже все это прекратится-то!

– Я потерплю. И вправду надо в нарядах разбираться. В

револьверах я разобралась, глядишь, и с платьями сумею.

Чарльз ободряюще улыбнулся:

– У тебя получится.

Ну да, как иначе-то.

– Милли...

– Иди уже, – проворчала я.

– Куда?

– Куда собирался. – Я с кряхтением поднялась. Почему-то вдруг навалилась усталость. И такое желание спать, что я с трудом сдерживала зевоту.

– К Орвудам вообще-то. Думал, может, составишь компанию? Там Эдди будет. Хотим кое-что попробовать с его талантами. Ну а ты можешь чаю попить.

Я? Чаю?

Ах да...

– Конечно. – Зевок я все-таки подавила.

И вот честно, лучше Орвуды, чем примерки.

Глава 4,

*где джентльмены вновь
спускаются в подвал, хотя и другой*

Оставляя супругу в гостиной, Чарльз испытывал легкие

угрызения совести. Как-то гостиная эта, на удивление милая, кукольная даже, казалась неуместной в доме некроманта.

Юные леди в светлых нарядах.

Солнце за окном.

Чай.

Будто игра какая-то, в которую Чарльза не приняли. Или сделали вид, что не принимают. Мальчикам положено играть отдельно.

В темные подвалы.

В тайны зловещие, которые должны скрываться там, за дверями из мореного дуба. Как иначе-то?

Но за дверями обнаружилось продолжение лестницы. Коридор, освещенный газовыми рожками.

– Прошу прощения. – Орвуд-старший был в домашнем костюме, поверх которого накиннул мятый халат. – Но электричество здесь сбоит. Полагаю, вступает в конфликт с моей энергией. А вот газ горит ровно.

Здесь пахло не смертью и болью, но карболкой и ароматическими маслами.

– Сюда. – Орвуд провел его мимо запертых дверей, и Чарльз не стал спрашивать, что находится за ними. Все же не всякое любопытство уместно. – Здесь я храню тела. По-прежнему находятся в состоянии стазиса. Честно говоря, не уверен, что в этом есть смысл. Я испробовал если не все способы, то все более-менее законные.

Хорошее уточнение.

Вид мертвых женщин и мужчины оживил воспоминания о том доме. И Чарльз повел плечами, до того вдруг стало неуютно.

Здесь же, у стола с покойницей, обнаружился Эдвин, что совершенно не удивило. Он стоял, разглядывая женщину, словно пытаясь понять что-то, одному ему доступное.

– Имеется пара ритуалов... описанных в одной книге. – Орвуд произнес это глядя в стену. – Однако если вы решитесь на них, то ищите другого некроманта.

– Почему?

– Потому что строятся они на жертвоприношении. Душа жертвы выступает проводником и связующей нитью. А энергия... сложно объяснять, но перед такой силой почти невозможно устоять. Легенды о безумии некромантов взялись не на пустом месте.

Он крутанул черный перстень на пальце.

– Это можете и передать.

– Благодарю. – Эдвин отступил. – Рад видеть вас, Чарльз. Руку предлагать не буду, все же... место такое. Специфическое.

– Понимаю.

Интересно, он здесь случайно?

Или встречи искал? Такой, которая в тихом месте, где никто не подслушает... скорее всего.

– Как ваш... брат?

– Плохо, – спокойно ответил Эдвин. – Мальчик признал

свой яд. Но изготовить противоядие не способен. Слишком мал.

И это тоже было известно.

Мальчишку-сиу Чарльз сам привозил. А потом вернул в заботливые руки дорогой леди Элизабет.

– Но он хотя бы состав написал. А дворцовый целитель изготовил противоядие. То есть то, что в теории является противоядием, но он не уверен.

– Не помогло?

– Жизненные параметры его стабилизировались, – развел руками Эдвин. – Но в себя он не приходит.

– Он...

– Здесь, – подал голос Орвуд-старший. – Рядом.

И не соврал.

Считающийся погибшим при пожаре Бальтазар Астерос обнаружился в соседней с мертвецкой комнате. И отличалась она разве что отсутствием столов, вместо которых нашлось место кровати.

На ней он и лежал.

Бледный. С запавшими глазами, с темно-серой кожей, покрытой какими-то разводами. И вряд ли это грязь. Человек дышал. Грудь его вздымалась и опадала. Губы шевелились, будто он пытался что-то сказать, но не мог.

– Физическое тело восстанавливается. – Эдвин провел ладонью надо лбом Бальтазара, и с пальцев сорвались зеленые искры, которые касались лежащего и таяли. – И это само по

себе хорошо, но...

Не пострадал ли разум?

Этого он боится?

Впрочем, а сам Чарльз разве не боится такого? Жить и...

Искр становилось больше, они теперь не таяли, а сплетались друг с другом, окутывая тело мерцающим коконом.

– Целители говорят, что нужно ждать, но... – Эдвин убрал руку. – С другой стороны, что мне еще остается?

Он встряхнул руку, и искры исчезли.

– Есть тут кто? – Голос Эдди нарушил тяжелую неудобную тишину. – Здесь у вас воняет, однако...

– Да вроде бы нет. – Бертрам Орвуд потянул носом. – Мы следим за порядком. Здесь регулярно убирают.

– Не в этом дело. – Эдди в своем обычном наряде смотрелся довольно органично. И Чарльз подумал, что никто не поверит... никто в здравом уме не поверит.

Но где у высшего общества здравый ум?

Эдди повел головой, ноздри его слегка дрогнули.

– Здесь смертью воняет. И давней... когда-то здесь убивали. Добрый день. Если он добрый.

– Смотря для кого. – Орвуд-старший чуть склонил голову. – Рад, что вы откликнулись на просьбу.

Эдди хмыкнул.

– Лучше уж время с некромантами провести, чем с теми девицами.

– Уже?

– А то! Вот прямо с утра и начали являться. С визитами. Надо же. Какое вопиющее нарушение приличий. Это даже не на грани, это далеко за ней. Эдди аж передернуло.

– И главное, такие... щебечущие. Восторженные. Страх берет.

– А здесь не берет? – уточнил Орвуд-старший.

– Здесь? Что я, на кладбищах не бывал? Да и убивали тут давненько... лет пятьдесят точно прошло, если не больше.

– Шестьдесят семь. Мой прадед решил исполнить один ритуал. Переноса жизни. Его дочь заболела, он надеялся по-мочь.

– И как?

– Сошел с ума.

– А дочь?

– Он выпил и ее, так что здесь нельзя сказать точно, помогли ритуал, но тогда прадеду пришлось нелегко. Он вскоре после того случая сам скончался. А слуг пришлось нанимать наново. Вы не представляете, до чего сложно найти хороших слуг некроманту! В общем, с тех пор, собственно, мы больше жертвоприношениями не балуемся.

Прозвучало это как-то по-светски, что ли. И вдруг подумалось, что в клубе том Орвуд-старший выглядел бы куда более своим, чем Чарльз. Что, возможно, поэтому члены клуба молчат... сколько времени прошло, а молчат.

Будто не было ни аукциона, ни того разговора.

И Чарльз почти готов в это поверить, но... существует

Эванора Орвуд с ее сереньким колечком и необходимостью находиться рядом с Миллисентой. И этот интерес.

И...

А если они поняли? Догадались? Или просто Чарльз им больше не нужен? В конце концов, что он может им предложить?

В том и дело.

– Тот зал ниже опечатан. Хотя и чистился.

– Чистился, – подтвердил Эдди. – Я не чувствую душ, хотя... если сыграть, то могут и появиться. Но в другой раз.

Он сдвинул шляпу на затылок.

Мятую.

И одежда та самая, с Запада, поношенная и вызывающе простая, будто назло кому-то. Или как часть образа? Надо будет перемолвиться парой слов.

Потом.

Наедине.

– Я пригласил достопочтенного...

– Эдди, – буркнул Эдди, глядя на Эдвина с прищуром. – Без всех этих выкрутасов.

– Эдвин.

– Подвинься. – Эдди опустился перед кроватью и прижал пальцы к шее лежащего. – Надо же, живой... а мертвечиной так и тянет.

Эдвин тотчас подобрался.

– Что с ним?

– А мне откуда знать? Я же не целитель, но смертью несет, будто он... Нет, если по кладбищу пройтись, то такого не будет. – Ноздри дрогнули. – Даже по старому. Такое ощущение, будто его похоронили. Не разберусь. Или он вляпался во что-то...

– Поможете?

– Пока не рискну, – покачал головой Эдди и поглядел на Эдвина снизу вверх. – Извини. Не потому, что не хочу. Просто у меня Сила есть, а умений мало. Тут же дело такое... я даже не пойму, что с ним. Сунусь – а ну как хуже сделаю?

– Куда уж хуже.

– Поверьте, – тихо произнес Берт. – Всегда есть куда хуже. Не поверил.

– Мне бы сперва хоть чуть освоиться. Разобраться. Тут же может и не он вернуться. Что делать станешь? – Эдди поднялся. – Я разберусь, только... времени бы. И книжек каких, если есть... про души там, про шаманов.

– Про шаманов, боюсь, книг не так и много, если исключить любовные романы.

– Любовные? – Удивление Эдди было весьма искренним.

– Орки ныне в моде, – развел руками наследник Дархардов. – Но полагаю, это не совсем то, что вам нужно. Я поищу отчеты. Исследования. Если таковые вообще проводились.

В мертвецкой снова пахло смертью. Знакомый аромат – такой приторный, навязчивый, из тех, которые только кра-

ешком задень, и приклеятся намертво. Как бы вовсе одежду сжигать не пришлось. Эдди поморщился.

Матушка обрадуется.

Она, когда его в прежнем наряде увидела, только вздохнула. И во взгляде укор. Мол, у Эдди вон ныне целая комната всякоразных костюмов, а он за старое.

И как ей сказать, что только в старом он себя собой чувствует?

Дурацкое, конечно, объяснение, но...

Смертью пахло.

И чем дальше, тем четче Эдди различал оттенки этого гадостного запаха. Застарелого, что почти не ощущался наверху, а в подвалах вот прорезался. Эта вонь копилась годами, десятилетиями, про которые Орвудов лучше не спрашивать.

Добрых некромантов не бывает.

А с ума они и вправду частенько сходят. И от запаха, надо полагать, в том числе.

Но теперь к этому запаху примешивались другие, исходящие от людей: что от живого, пока еще живого, что от покойников, обнаружившихся в соседней комнате. Мертвецкая, стало быть.

А что? Куда некромантам без домашней мертвецкой?

Эдди все-таки чихнул и потер кончик носа.

Нет, тут запах тот же и... другой, самую малость. Интересно, сколь нормально это, принюхиваться к мертвецам. А главное, что смотрят. Ждут.

И кто с надеждою глядит, будто верит, что Эдди сейчас возьмет и совершит чудо. Кто выжидающе. Кто со скепсисом, которому Эдди готов поверить.

Он ведь и в самом деле не шаман, даже еще и не учится.

Эдди провел ладонью над телом женщины, которая казалась спящей. И ничего. Покойница. Сколько Эдди таких повидал? Ладно, не таких, но других. Иных и сам сотворил, что уж тут.

– Круг надо бы очертить. – Он огляделся. Место не сказать чтобы удачное.

Столбы эти железные.

Стены тоже листами обшиты, и толстенными, хотя запах смерти и из-под них пробивается.

– Не здесь только. – Эдди понял, что именно ему не нравится. Это вот самое железо. – Нужно другое место. Чтобы просто камень там. Или земля. Или доски на худой конец. Но лучше, чтобы рукотворного не так много.

Спорить не стали.

Уточнять тоже.

Орвуды лишь переглянулись, и старший едва заметно кивнул, стало быть, дозволяя. Что?

– Есть ритуальный зал. – Он-то и заговорил. – Как правило, чужаков туда не пускают, но случай исключительный, а потому готов предоставить. Только я буду присутствовать. Не потому, что мне так уж интересно, хотя да, интересно, но зал заклят на родную кровь. Это не помешает?

– Пока не знаю, – честно ответил Эдди. – Глянуть надобно.

– Эдвин?

– Если получится, то мне нужно будет задать вопросы. – Этот лощеный типчик отряхнулся. – Полагаю, вы, Чарльз, тоже не отступитесь?

– Само собой. Я обещал жене приглядывать за братом.

Эдди подавил смешок. Ну да, за ним только и приглядывать.

– Берт?

– Я, пожалуй, останусь здесь. На всякий случай. – Орвуд пошевелил пальцами. – Что принести?

– Воду. Свечи. Соль. Круг начерчу, за пределы не выходить.

Идти пришлось не так и далеко.

Лестница.

И еще одна.

Дубовая дверь, украшенная рунами, которые показались Эдди смутно знакомыми, но разглядывать времени не было. Дома уже вспомнит, нарисует и подумает. Дверь массивная и на петлях, тоже из дуба сделанных.

Или не из дуба? Красноватое дерево.

– Железо быстро истлевает, – подтвердил догадку Орвуд-старший. – А вот дерево, как ни странно, вполне себе долговечно, особенно некоторые породы. Это железный дуб.

– Я только слышал о таком. – Чарльз провел по двери ладонью. – Теплый.

– И отлично поглощает излишки Силы в случае выброса. Но их давно уже не случалось. Очень давно. – Орвуд положил ладонь на дверь, и та беззвучно отворилась.

Вошел он первым.

И факелы зажег.

Живой огонь? Тоже хорошо. Правильно.

Эдди огляделся.

Зал. Небольшой, шагов десять в поперечнике. Потолок выгнутый, неровный, видно, что делали вручную и как-то наспех, что ли. То ли дело пол. Камень выскоблен до зеркальной гладкости, и в нем отражаются отсветы рыжего огня. И сам-то он кажется красным, что мясо.

И по этой красноте разбегаются тончайшие золотые нити. Паутинки сложного узора, в котором и круги, и звезды, и снова же руны.

– Это... я такое только на рисунках видел. – Эдвин огляделся. – И то... весьма отдаленно похожее. «Основы прикладной некромантии».

– Запрещенные к переизданию?

– Скорее, ограниченного пользования. Переиздаются они с высочайшего дозволения и малым тиражом. Но вы, полагаю, знаете.

– Истинные некроманты предпочитают рукописные книги. – Орвуд присел на корточки, коснувшись линий. – Это

создано еще моим прапрадедом. Для простых ритуалов.

– А... для сложных?

– Я ведь рассказывал про прадеда?

– Ясно.

– На самом деле весьма любопытный вопрос. Я знаю, общепринятое мнение таково, что современные маги превосходят по силе своих предков. Но вот мне и в этом зале не просто, тогда как еще моему отцу он казался тесноват. Бертрам же, полагаю, не сможет воспользоваться и третью кругов.

Он замолчал.

И остальные тоже.

– Прошу. – Орвуд указал в центр. – Выбирайте место. И я изолирую нужный участок.

Эдди прошелся.

Здесь запах смерти ощущался особенно остро. Вонь проникала откуда-то снизу, и, пожалуй, он мог бы дойти до самого ее источника.

Но... надо ли?

Он остановился в самом центре. Звезда? Какие-то знаки... не помешают, и ладно.

– Тут. – Эдди опустился на камень. – Солью надо круг осыпать. И второй – для вас. Что бы ни случилось, не лезьте. Никогда не знаешь, какая хрень может откликнуться... В общем, пока круг цел, до вас она не доберется.

– А до тебя?

– И до меня.

– Я слышал, что соль порой используют подобным образом. И мелкую нежить она вполне способна остановить, но... будет ли этого достаточно? – Орвуд нахмурился и руки за спину заложил. – Я могу поднять защиту.

– Нет. – Эдди вытащил дудочки. Белую. И черную. На выбор. А еще недавно и одной не было. – Это сродни тому, что кричать, заперевшись в чулане. Можно, только вряд ли кто услышит. А вы же хотите, чтобы слышали? Вот... стало быть, соль. И девицу эту положите вон там. Свечи вокруг поставьте. Сами... может, все-таки подождете?

– Боюсь, интересы короны... – начал было Эдвин.

Эдди махнул рукой.

Ну их. И корону туда же.

– Только вот еще что. – Он погладил дудочку. – Если вдруг потянет из круга выйти и вообще чего-нибудь такого услышится, вы не верьте особо. Или увидите кого. Мертвого. Они порой приходят. Не смейте выходить. Как бы ни хотелось.

Привязать бы их, скажем, к стене.

Но чужлось, не согласятся.

Покойницу принесли, а с нею и свечи, и соль, и еще шка-тулку какую-то, которую Эдди не просил. Но Орвуд-старший принял. И крышку откинул.

Вытащил какие-то веревочки, которые всем и роздал. Эдди тоже предложил, но неуверенно.

– Что это?

– Веревка висельника. – Орвуд помог завязать веревочку

на запястье Чарли. – Как ни странно, но весьма действенное средство, когда касается тонкого мира. Способна удерживать призраков на расстоянии.

Тогда Эдди обойдется.

Ему же не на расстоянии надо, а совсем даже наоборот.

Он обвел солью и женщину.

Нарисовал круг для этих вон, любопытствующих. И себе тоже. Свечи расставил. Зажигались они неохотно, и запах смерти сделался плотнее, гуще.

Отступить?

Поздно.

Эдди вернулся в свой круг, уселся и поднес дудочку к губам. Белую. Что ж, получится или нет, оно будет видно, а теперь только и надо, что дунуть, позволив ей самой выбрать мелодию.

Первый звук пронесся по зале шелестом ветра, прикосновением ласковым.

То ли вздохом, то ли всхлипом.

И дудочка заныла, затянула жалобную мелодию, торопливую, будто тот, кто желал говорить, очень боялся лишиться этой возможности.

Глава 5,

в которой леди пьют чай и ведут застольные беседы

Эва ерзала, до того ей на месте не сиделось. Хотя, казалось бы, всего-то и надо: сиди, улыбайся, пей чай и беседуй о погоде, которая ныне на диво хороша. Или вот еще о полосатых ленточках, что в моду вошли; но не те, которые в прошлом сезоне, широкие, в два пальца, а всенепрерменно узкие, потому что широкие – из моды как раз вышли. И моветон использовать такие для шляпок.

У Тори получается.

И про шляпки, и про ленточки, и про погоду тоже. Улыбка радостная, сама просто лучится счастьем, того и гляди все поверят, что ей оно и вправду жуть до чего важно. А главное, Эва-то верила.

Раньше.

Теперь же...

– Хрень какая-то, – первой не выдержала Милисента Диксон. – Кому это интересно?

Маменька слегка осеклась.

– На самом деле кому-то, может, и интересно...

– Вот придешь с не теми ленточками на бал, – буркнула Тори. – Живьем сожрут. Или так похвалят, что стоять будешь как оплеванная. А потом еще год вспоминать станут.

Эва просто тихонько вздохнула.

Грядущий бал, до которого оставалось пару недель, честно говоря, пугал ее до дрожи в коленях.

– А о чем у вас говорят? – поинтересовалась маменька, оставив фарфоровую чашку.

Сервиз был новым, правда Эва так и не поняла, чем он от старого отличается – то ли цветочки другие нарисованы, то ли завиточки не в ту сторону.

В общем, действительно хрень.

Она повторила грубое слово про себя.

И еще раз.

– Да... обо всяком, – вдруг смутилась Милисента.

– А все-таки?

Тори тоже уловила это смущение. И улыбка у нее сделалась предвкушающей.

– Иногда о том, что в доме крыша течет. Опять. Или что трубы надо бы почистить каминные, да только это денег стоит... полы в старой гостиной подгнивать стали, того и гляди провалятся, а потому надо бы комнату запереть. О том, сколько муки осталось или сала. Или еще что новые листовки пришли.

– Листовки?

– На розыск, – пояснила Милисента. – Там большей-то

частью одни и те же рожи, скажем, Французик... на самом деле Фрэнки Монс, но прозвали так, потому как картавил. И еще все трепался, будто его бабка в Старом Свете в хорошем доме служила, стало быть, его мамаша – благородного происхождения. Ну и рожа еще у него смазливой была. Он этим и пользовался. Разъезжал по городам, выискивал дамочек, чтобы в возрасте и вдовы, втирался в доверие. Женился даже. А потом исчезал с деньжатами, да еще иных в долги вгонял.

– Ужас какой! – с неприкрытым восторгом воскликнула Тори.

– А то... за него сотню давали. И еще две – частным порядком. У одной вдовушки сыновья оказались, которые крепко за матушку огорчились. Но тогда за этим Французиком пришлось побегать. Он рожи менял, что вон леди перчатки. То волосы покрасит, то усы отрастит, то наоборот. Взяли его на Ладьиной пустоши – верно, совсем поприжало, если туда сунулся. Там же одно отребье... Когда-то золотодобытчики селились, городок большим считался, но золото иссякло, вот и остался народец, которому деваться вовсе некуда. Вот... там его и взяли.

– Кто?

– Я и Эдди.

– Вы?!

– Ну... – Смущение стало совсем явным. – Не могла же я его в такое место одного отпустить?

– Почему? – поинтересовалась маменька как-то очень тихо.

– Так пристрелят. Вдвоем сподручней отбиваться, если чего. – Милисента допила чай. – Но тогда неплохо сходили. Правда, шериф попытался половину денег зажать, мол, за посредничество, но Эдди ему пригрозил, что хер отстрелит. В общем, в результате долгой и продуктивной дискуссии джентльмены пришли к консенсусу.

Маменька первой хихикнула.

А Эве... Эве вдруг стало страшно. Это ведь только в романах, наверное, красиво: чтобы пустыня там, закат и смертельно опасные приключения. Потому как в романах ведь понятно, что никому по-настоящему смертельной опасности не угрожает, что все закончится хорошо и непременно свадьбой.

– А вот за Кровавым Бером вшестером шли. Он караваны грабил, и ладно бы просто – в конце концов, понять можно...

Эва не представляла, как можно понять такое.

– Но он же не просто грабил. Он подчистую народ вырезал. Сперва караваны, потом по фермам пошел. Вон, у Шального ручья стояла... там уже и не ферма даже, целое поселение. Старый Гранди, его жена, трое сыновей с женами, их сыновья... меньшие еще детьми были, а у старших свои дети. И работники тоже. Земли у них имелось. Они там... в общем, никого в живых не оставили. Тогда-то уже и наш шериф, уж на что ленивая задница, но велел собираться всем. Ловить,

стало быть. Но Кровавый Бер – хитрый засранец и места знал преотлично. А может, и предупредил кто, как знать. Главное, когда подошли к местечку, где он мог залегать, там ничегошеньки не нашлось, только кострище и сапог старый. Вот... ушел он. И крепко залег. С полгода не казался, поговаривать стали, что и вовсе уже отошел к богам. Это же просто.

В гостиной повисла тишина.

Такая, что слышно было, как бьется в окно муха.

– А он... не умер?

– Нет. В горах пещерку нашел одну... не одну даже, потом уже поняли, что прежде в них жили то ли сиу, то ли орки, главное, что пещеры эти крепко в горы уходят. И прятаться в них вечность можно.

– Не усидел? – уточнила маменька.

– Сам-то усидел бы, но люди его стали в городок наш захаживать. Жрать-то что-то надо. И пить. И сперва, думаю, тайлись, а после уверились, что никто их не узнает. Оно, может, и так. На листовках порой такие рожи печатают, что мать родная не опознает, ежели чего. Но тут один в бордель сунулся. А у него пятно приметное было на... на скрытом месте, – вовремя поправилась Милисента. – Или родинка там. Или еще чего, не уточняла уже. Главное, что шлюха...

Маменька поглядела с укором, но прерывать не стала. А укора Милисента будто и не заметила.

– В общем, шепнула кому надо. Тогда-то Эдди и дождался, пока этот тип снова заявится. И за ним пошел. Тихонеч-

ко. Эдди – хороший охотник.

В этом Эва несколько не сомневалась. И... и грустно, что он теперь граф. Очень.

– До гор и довел, а там уж вернулся и людей собрал.

– И вас?

– Ну... меня он не особо брать хотел. – Милисента усмехнулась. – Все ворчал, что небезопасно.

– А...

– А оно и вправду небезопасно. Но как я его одного пу-
щу? Он же под пули сунется. Вот и тогда тоже пострелять
пришлось. Но голову Бера мы в город привезли. Мэр ее еще
жиром топленным залил и дальше отправил.

– З-зачем?

– Чтоб не попортилась. Да и много чего за ним числилось.
Вот чтобы люди и поняли... нам после почти три сотни упало.
Может, и немного, но такого ублюдка нужно было остано-
вить.

– И... и вы тоже убивали? – поинтересовалась Тори, по-
давшись чуть вперед. И само собой, едва не опрокинула
недопитый чай.

– Тори!

– Случалось. – Милисента ответила спокойно, будто и нет
в этом признании ничего такого. – Порой ведь или ты, или
тебя.

– Ужас. – Маменька покачала головой. – Как хорошо, что
вы сейчас здесь.

– Почему?

– Цивилизованный мир. Здесь нет нужды убивать кого-то.

– Да как сказать. – Милисента расправила юбки. – В том и проблема, что уж больно цивилизованный... и непонятно, кто здесь сволочь, а кто просто мимо проходил.

А потом раздался звук.

Такой тонкий-тонкий. Далекый. Даже не звук, а будто...
будто эхо.

Эва вздрогнула и все-таки не удержала свою чашку. Пальцы вдруг стали словно фарфоровыми. И чай вылился на юбки.

– Эва...

А она хотела извиниться, но звук дрожал. Струна, где-то там в подземельях или возле них. Плакала, плакала, навзрыд буквально.

И звала.

Кого?

Не Эву. Но она тоже слышит.

– Эва? Эва, девочка...

– Погодите.

Голоса собеседниц раздавались рядом и в то же время будто издалека. А струна звенела. Или это не струна? Клавесин звучит совсем иначе. И на арфу тоже не похоже.

А на что?

Надо поближе подойти. Конечно. И если не ее зовут, то...
то кого?

– Вы слышите это? – Тори поморщилась. – Какой... неприятный звук.

Неприятный?

Скорее наоборот. Чарующий. Теперь, кажется, Эва поняла, что испытывала Тори. И слышала ли Эва мелодию, которая играла где-то совсем рядом, или что-то иное, но она определенно не могла противостоять этой музыке.

– Эва... опять?

Их голоса доносились издали:

– ...смотреть...

Смотреть?

А ведь и вправду. Самой идти не обязательно. Эва же умеет закрыть глаза и... да, вот так. Собственное тело остается в кресле. Оно застывает с неестественной улыбкой на губах. Донельзя пугающей улыбкой, но Эве некогда разглядывать себя. Сейчас она слышит музыку отчетливо.

Какая... интересная мелодия.

Она ложится под ноги тропой, и Эва идет. Правда, сделав несколько шагов, замирает и оглядывается. Надо же... какие они все.

Другие.

Маменьку окутывает бледное дрожащее марево Силы. А Милисента Диксон пылает живым огнем. На нее и смотреть-то больно. Призрачная Эва прикрыла глаза.

А вот Тори... Тори будто из тьмы соткана.

Это тоже что-то да значит. Она бы присмотрелась, она бы

даже поняла, что именно, если бы задержалась. Но тропа под ногами дрожит. И нужно спешить.

Пока звучит эта мелодия.

Пока...

Шаг.

И еще один. Шелест крыльев у щеки. И прикосновение их, такое нежное, ласкающее.

– А ты что здесь делаешь? – Теперь он больше не ворон, но и не человек, будто два обличья слились, но не до конца. И не понять, чего больше.

– Ты звал, – спокойно ответила Эва. – Я и пришла.

Нет, Эдди с самого начала испытывал сомнения, что у него выйдет. То есть что-то да вышло бы, но вот что именно? И как бы не получилось только хуже.

Но...

Он играл.

Точнее, дудочка играла. Принимала его Силу, выплетала музыку, которая уходила в камень. И пусть в первые мгновения ничего не происходило, но вскоре по камню этому поползли призрачные трещины. А из них потянулось белесое марево.

– Что за...

Стало быть, видит это не только Эдди.

Туман?

Похоже. Густой. Тяжелый. Пропахший смертью до по-

следнего завитка. Он подбирался к ногам, слепо тычась в проведенную солью линию.

И пытался лепить образы.

Один.

Другой.

Но сил не хватало, чтобы образ удержать. Они и рассыпались, но за долю мгновенья до того все-таки воплощались в давно ушедших людей.

Эдди мог бы узнать имена.

И даже выслушать истории. И может, помочь им, застрявшим где-то между жизнью и смертью. Это было бы хорошим делом. Но он играл.

Ему нужна была одна-единственная женщина, над телом которой туман превратился в стаю белых птиц. А потом птицы расступились, рассыпались, выпустив девушку.

Такую знакомую.

Такую...

– А ты что здесь делаешь? – Эдди выпустил дудку.

– Ты звал, – спокойно произнесла Эванора Орвуд, – я и пришла.

Твою же...

И дальше что делать?

Туман плескался, переливаясь всеми оттенками перламутра. Туман лизал ей ноги, чтобы в следующее мгновенье покорно отползти. И... и если она пришла, значит, она нужна.

Значит, без нее не обойтись.

Эдди поглядел на границу.

И переступил ее. Так и есть. Хороший шаман не прячется от душ. Тем более здесь он не ощущал враждебности, скорее глухую тоску, воплощенную безнадежность.

Как-нибудь справится.

– Кэти? – Эва поглядела на тело. – Зачем она?

– Пытаюсь призвать дух, но как-то не слишком получается.

– Отец говорил, что дух ее ушел.

– Не совсем верно. – Эдди поглядел туда, где должен был стоять Орвуд-старший, и Чарли, и еще тот тип, у которого свой интерес. – Тот, кто убил ее, разорвал связь души и тела. Но это не значит, что дух ушел.

– Да?

– С душами по-разному. Некоторые уходят сразу, особенно если дети. Дети вообще, как мне кажется, не понимают, что с ними случилось. А если вдруг, то... хуже нет нежити, чем из перерожденного детского духа. В них много Силы. И ярости.

Зачем он это рассказывает?

Ему бы по-хорошему отправить девчонку обратно, а не рассказывать ей то, в чем Эдди сам слабо разбирается.

– Главное, что некоторые души не уходят. Чаще всего те, которых что-то держит. Обида. Или дело неисполненное. Их-то и получается призвать. Говорят, что хороший ша-

ман способен любую душу заставить вернуться, но насколько правда – не знаю.

– Ты – хороший шаман, – произнесла Эва убежденно.

Стало совестно.

– Не особо. Когда сохранена связь с телом, тогда проще. Души цепляются за него. Или за место, в котором их настигла смерть. Таких и некромант призвать способен. А вот когда связь разрушена, то много сложнее.

– Как с ней?

– Она где-то там. – Эдди указал на туман. – Но я не могу туда пойти, потому что сам не вернусь. И меня она не слышит. Я ведь не знал ее.

– Зато я знала. – Эва повернулась к туману лицом. – Что нужно делать?

– Представь. Ее. Ту, которую помнишь. Чем яснее, тем лучше.

Дудочка зазвучала громче.

И стало очень холодно. Настолько, что Эдди с трудом удерживал эту треклятую флейту у губ. Ничего. Он справится.

Тем более что туман расступился и из него вышла женщина... нет, девочка лет двенадцати с виду.

Глава 6

О том, что делать и кто виноват

– Ваш... родственник – личность весьма своеобразная. – Эдвину надоело стоять в тишине, тем более что почти ничего и не происходило. Так, лишь воздух задрожал.

Слегка.

И странно тоже. Эдди явно играет, Чарльз видит застывшую его фигуру, дудочку эту, само воспоминание о которой заставляет поежиться. Но на сей раз только видит.

Не слышит.

– Он – достойный человек.

– Не совсем человек.

– Разве это важно? – Чарльз нахмурился. Почему-то в этот момент Эдвин сделался весьма неприятен.

– Нисколько, пожалуй. Хотя, конечно, слухи ходят самые интересные. Лет так тридцать... больше, чем тридцать, назад его императорское величество, еще будучи его императорским высочеством, совершили большое путешествие на Запад. На Восток, само собой, тоже...

Воздух побелел.

Странное ощущение, будто пропадают краски. Камень

выцвел, а потом и покрылся изморозью. И стало ощутимо холоднее.

А еще запах появился.

И Чарльз понял, что имел в виду Эдди. Пахло и вправду смертью.

– Известно, что во время поездки его императорское высочество встречались с представителями малых народов. Подтверждали заключенный некогда мир. И встреча прошла успешно, да...

Эдвин замолчал.

Вот, стало быть, какие слухи будут распространять.

– Для Эдди все это небезопасно.

– Мне кажется, он вполне способен постоять за себя.

– Да, но... там. На Западе. В честной игре. – Чарльз почувствовал, как чешутся кулаки. И злость разбирает. Нельзя втягивать в такие игры человека, который для них категорически не годится. А мало кто еще может быть настолько неподходящим, как Эдди.

Слишком благородный.

Чересчур прямой. И... людям он верит. Несмотря ни на что – верит.

– За ним приглядывают.

– В этом я не сомневаюсь. Но... всегда есть способы.

Яд на кромке бокала.

Проклятье в крохотной монетке. Случайная встреча на балу, которая обернется легкой простудой... нет, никакой

связи не может быть между юной леди, вдруг оказавшейся в неловкой ситуации, и этой простудой, даже если перейдет она в чахотку.

Чарльз ведь и сам наивен.

Он не представляет и малой части того, с чем придется столкнуться.

– Выбора у нас нет, – произнес Эдвин сухо. – Это дело государственной важности.

– Как будто дерьмо государственной важности от этой важности перестает быть дерьмом.

А воздух совсем загустел. И уже не воздух, они вдруг оказались в тумане. Тот держался за границей соляного круга, подкатываясь то вплотную к ней, то отползая, позволяя разглядеть кусочек пола. И там, в тумане, наконец стала слышна мелодия.

– Жутковато. – Эдвин поежился. – Признаться, я... сомневался.

– В чем?

– О способностях иных рас ходят легенды, но правды в них... Взять того же мальчишку-сиу. Честно говоря, я весьма рассчитывал на его помощь. – Он сложил руки на груди, заслоняясь то ли от тумана, то ли от самого Чарльза. С чего бы? – Были основания полагать, что так называемые «Слезы сиу» созданы именно им.

– А на деле?

Эдвин слегка поморщился.

– Клянется, что не представляет, о чем речь. Говорит, его хозяин брал кровь и делал с ней что-то. Хотя наши алхимики уверены, что дело вовсе не в крови. И что именно для этого зелья используются большей частью обыкновенные ингредиенты. Дурман, белена, сок морочника и весьма редкая смола африканского кустарника. Правда, есть еще что-то, но к сиу отношения не имеющее.

И поэтому Эдвин так легко отстал от мальчишки, за которого отдан весьма дорогой артефакт?

Вероятно.

Иначе не помогли бы ни документы об опеке, которых просто-напросто не позволили бы выправить, ни матушкино заступничество.

– Это все-таки ребенок.

– Довольно сообразительный ребенок. На хозяина его мы вышли. Полагаю, отчасти поэтому ему и дали отставку. Все же мальчишка – примета. И яркая.

– Как... он?

– Как и было вам обещано. Пьет. Страдает. Всем жалуется на жизненную несправедливость. Играет. И проигрывается. Нам удалось собрать приличное количество векселей, поэтому, если вдруг господин Кларенс не пожелает с вами общаться, намекните, что сговорчивость – в его интересах.

Из тумана выступила женщина. И Эдвин вздрогнул:

– Это...

Высокая. И стройная. Строгое лицо. Волосы зачесаны

гладко, убраны под жемчужную сетку. Платье старинное. Взгляд...

Губы женщины шевельнулись.

– Вы ошибаетесь, бабушка. – Эдвин выпрямился. – Мой отец...

– Спокойно. – Чарльз удержал его у черты. – Не стоит. Помнишь? Ее нет.

– Но я же вижу.

Фигура распалась, вылепив другую. И этого человека Чарльз узнал.

– Зар? Ты? Что с тобой...

– Я потерялся, – ответил человек из тумана, и Чарльз услышал его. – Я... хрень какая-то случилась. Все было хорошо... я видел... аукцион видел. Безумие. Как ты и предполагал.

Чарльз вцепился в руку Эдвина. Проклятье! Если тот решит шагнуть в туман, удержать его не получится.

– А потом... меня пригласили для частной беседы. Такой... обстоятельной. Я подумал было, что раскрыт. И да, правильно. Револьвер вот... решил, что без боя не сдамся. Но мне весьма вежливо объяснили, что пусть происходящее не совсем законно, но власти давно уже смотрят на эти игры сквозь пальцы. Особого вреда они не причиняют, наоборот, позволяют удержать общественные пороки в узде.

Твою же...

Человек провел руками по лицу.

– Мне предложили деньги. Много. И еще помощь. Сказали, что я могу подняться высоко. Куда выше, чем с твоей поддержкой. Намекнули, что кое-кто из стоящих над нами давно в деле. Что братья есть везде. Или сами, или сочувствующие идеям общества.

– А ты?

– Согласился. Не сразу. Сомневался. Приводил доводы... видно, слабо. Актер из меня и вправду дерьмовый. Но мне показалось, что поверили. Колечко вот вручили.

– На тебе не было колец.

– Сняла, стало быть.

– Кто?

– Девушка... надо было приходить с девушкой... Элиза... Элиза Сюррей.

– Она же из Конторы.

– Я бы и не пошел с чужой. А она... мы вышли. Меня пообещали проводить к месту, где я должен был принести клятву. На крови. Я хотел отказаться. Говорил, что про клятву не предупреждали. Что в этом случае мне нужно подумать. Это ведь клятва.

Фигура из тумана начала рассыпаться.

– Зар!

– Она ударила в спину... укол... я почувствовал укол... и хотел обернуться... быстро... падаю... подхватили... вниз понесли...

Голос его слабел.

– Зар! Ты жив! Ты...

– На алтарь... они несли, но...

Он все-таки рассыпался, выпустив кого-то, Чарльзу незнакомого. Господин в старинном костюме подошел к черте, ткнул в нее носком и сказал:

– Какая отвратительная примитивность!

И исчез.

Похоже, оскорбленный до глубины души. А следом из тумана вышел Змееныш. Он был плотным, и казалось, что еще немного, и его фигура обретет цвета. А то и вовсе он оживет.

Почему бы и нет?

– Скучал? – Его улыбка была ослепительна.

Этого нет.

Это иллюзия на самом деле.

– Да что ты понимаешь в иллюзиях. – Змееныш остановился на границе круга. – Такой же зашоренный придурок, как и мой папенька.

Он был в той же одежде, роскошной и нелепой, мятой, украшенной пятнами крови, которые блестели ярко, как драгоценные камни.

– Смерти нет, видишь? – Змееныш развел руками. – А души и вправду бессмертны. Возрадуемся!

Его голос распугал других призраков, если и присутствовали другие.

– Чему?

Интересно, его только Чарльз видит? А нет, Эдвин тоже

смотрит. Чуть прищурился. Узнал? У них должно быть описание.

– А разве нечему?

– Ты, вообще-то, умер.

– И что? Думаешь, это что-то изменило?

– Все изменило. Тело твоё сожгли...

Змееныш рассмеялся. Смех у него был хриплым и даже приятным. И подумалось, что в целом он неплохой парень, которому просто слегка не повезло.

Чарльз отряхнулся.

Морок.

Даже после смерти? Или...

– Мы нашли противоядие. И твои жены теперь свободны от наведенной любви.

– Счастливы?

– У них есть выбор.

– Как замечательно! Быть несчастной по собственному выбору.

– Лучше было быть счастливыми? Как долго? Пару месяцев? Полгода? Мы нашли твоё кладбище.

Змееныш пожал плечами:

– У всех случаются неудачи. Рано или поздно я сумел бы найти способ. Кстати, как поживает твоя сестра? Она была из первых... такая отзывчивая, такая благодарная. Передай, что мне её не хватает.

– Пошел ты!

– А твоя жена? Она меня обманула. Знаешь, женщина, которая обманула одного мужчину, с легкостью обманет и другого.

Ложь.

И яд. Змееныш после смерти остается собой. И... к чему он здесь? Перед Чарльзом. А главное, почему, несмотря на этот яд, ему хочется верить? И поневоле начинаешь сомневаться, правильно ли поступил тогда. Может, стоило поговорить?

Объясниться?

Он ведь мог быть полезен, этот парень. И не так глуп, чтобы...

– Уколи меня, – тихо произнес Чарльз.

Эдвин не стал переспрашивать, но аккуратно двинул ему в челюсть:

– Извини. Булавки нет.

– Ничего. – Челюсть слегка заныла, зато в голове наступила ясность.

А Змееныш рассмеялся:

– Знаешь, а ведь в ней тоже та самая кровь – огненная. Думаешь, сможешь справиться с нею? Не боишься, что однажды этот огонь на тебя выплеснется? Сумеешь ли выдержать?

– Как-нибудь.

Не надо ему отвечать. Да и Эдвин смотрит так, с опаской.

– Если вздумаю дурить, вырубай, – сказал ему Чарльз.

И Эдвин кивнул.

Отлично. Может, он и высокомерный ублюдок, но в целом положиться можно.

– А ты не задумывался, почему влюбился? Вот в нее? Ты, избалованный мальчик с Востока. Ты привык к очаровательным барышням, нежным и хрупким, таким неприспособленным к жизни... а она? Она ведь не похожа на них. У нее грубая кожа. И манеры ужасные. Она...

– Иди на хрен!

– У вас с ней ничего общего. И тебе бы в ужас прийти, а ты влюбился. Может, дело в том же? В ее крови? А?

Не слушать.

Этот ублюдок ничего не понимает в любви.

– И ты ведь счастлив, правда? И никакой разницы нет, по собственному выбору или так. Да и нужен ли вообще этот выбор? Главное, что, попроси она умереть, ты же умрешь, так? Просто чтобы она была счастлива. Это ведь несложно, сделать счастливой свою женщину...

– Эй. – На плечо легла рука, и Чарльз понял, что почти переступил границу из соли.

Выдохнуть.

Успокоиться. Сердце стучит, колотится о ребра со страшной силой. Из прокушенной губы текла кровь, и Чарльз сглотнул.

– А ведь она даже в полную силу не вошла. Что будет, когда войдет? – Он уже совершенно не походил на призрак.

Ублюдок.

Змееныш, чтоб ему... настоящий змей.

– И удержится ли? Это ведь так безумно сложно, удержаться от любви... всем ведь хочется, чтобы их любили. Просто так. И сильно. Чем сильнее, тем лучше.

– Уходи.

– Вот так? Разве я могу?

– Эдди попросить, чтобы сыграл?

– Думаешь, его силенок хватит? Нет. – Улыбка Змееныша была безмятежна. – Это он может думать, что призвал меня...

– Про тебя и думать забыли.

– Неправда. Ты ведь думаешь. Каждый раз, глядя на свою дорогую сестру... ту, что носит моего ребенка. Кровь от крови. Сила от силы...

Он отступил на шаг от границы и разом утратил краски.

– Уже недолго осталось ждать... Недолго. Твой шаман ни на что не способен.

Туман рассыпался, а боль в прокушенной губе осталась. И не только в ней. Двинул Эдвин от всей души. Хорошо. Надо будет поблагодарить.

После.

А туман рассеивался. Медленно так. Он словно уходил сквозь камни, оставляя призраки-тени.

Людей.

Или...

Эдди по-прежнему сидел в круге. И он же стоял по другую сторону его рядом с... нет, быть того не может! Эва? Эванора Орвуд? Что она делает здесь?

– Эва? – Кажется, Орвуд-старший тоже захотел получить ответ на этот вопрос. – Эва, что ты здесь делаешь? Или... Эва, немедленно вернись!

Глава 7,

*где все-таки задаются вопросы и приходят
ответы, которые, правда, мало что меняют*

Эваноре было страшно.

Немного.

А еще страшно любопытно, но уже много. И когда появилась Кэти, хотя узнать ее в этой девочке было сложно, Эва даже подпрыгнула. Неужели получилось?

– Ишь ты, – сказала Кэти прежним голосом, в котором, правда, теперь не слышалось раздражения. – Какая...

– Здравствуй, – Эва неловко улыбнулась.

– И тебе не хворать. Чего надо?

– Ты... как бы это сказать помягче. Понимаешь, ты...

– Померла, чего уж тут. – Кэти-девочка пошла дрожью и вытянулась, меняясь на глазах. Шрамы на лице ее исчезли.

Она и впрямь была очень красива.

– Ты... не сердишься?

– На кого? На тебя, что ль?

– Пусть бы и на меня.

Странно, но выглядела Кэти такой... такой живой.

– С чего мне на тебя сердиться? Хотя... ты живая. Обидно. Ты живая, а я вот... и за что, спрашивается? Это все Мамашка... Надо было послать его, но нет, решила, что теперича все можно...

– Расскажи, – попросила Эва.

– Об чем?

– О ней. О... тех людях, которые пришли на аукцион. Ты знаешь их?

– Я? – Кэти рассмеялась хриплым смехом, словно воронье карканье. – Думаешь, я такая важная, что предо мной представляться надобно? Мол, господин Хороший пожаловал. Я для них – очередная шлюха.

– Ты не такая.

– А какая?

– Не знаю. Но ты ведь помнишь себя раньше? – Эва ухватила за эту мысль, чувствуя, что вот-вот разорвется нить беседы. – Я видела. Девочка. Ты... ты была...

– Была. – Кэти встряхнула головой, и светлые кудри рассыпались по плечам. И сама она вновь изменилась. – Вот такой была. И папенька у меня имелся. Важный такой. В сером костюмчике ходил. И еще часы... лица не помню, а часы

помню. Большие. Серебряные. На цепочке. Цепочка тоже с узором. Часы он прятал вот тут.

Кэти похлопала себя по груди.

– А цепочка свисала. Мы с сестрой любили играть с нею. У тебя есть сестра?

– Есть.

– И у меня. Она... не помню тоже. Почти уже. Мы не особо дружили, хотя иногда... Я все потом думала, почему так вышло, что украли меня?

– Кто?

– Кто ж знает. Просто одного дня я уснула в своей кровати. У меня была своя кровать. И своя комната. Большая. Игрушки. Куклы. Фарфоровые головы и мягкие тела. Платья нарядные. Моя нянюшка их шила. И я помогала. Сестра тоже... Мы жили в большом доме. И садик имелся. И... однажды я проснулась оттого, что в мою комнату забрался человек. Бросил тряпку на лицо. Вонючую. И я уснула. Чтобы потом проснуться в другом месте. В страшном месте.

– Мне... жаль.

– Меня?

– Ее. Ту девочку.

– Она была глупой и слабой. И плакала много. Поэтому ее побили. Ее никогда раньше не били. И не запирали в чулане. Там крысы... она никогда не видела крыс. И не думала, что станет одной из них. – По фарфоровым щекам девочки покатались слезы. Крупные, прозрачные.

– Я... – Эва не знала, что сказать.

– Молчи уж.

– Это она, да? Мамашка? За это ты ее... убила? Добила?

– За это. Откудова знаешь? Хотя раз ты тут, то знаешь. Я ведь не одна у нее была... Имелись... и имеются такие вот любители. Девочек. Мальчиков. И те, кто готов за деньги забраться в нужный дом. Иногда они устраиваются на работу. Конюхами там. Или сад копать, или еще чего. Сперва, конечно, нужно найти такой дом, в котором дети есть.

Вздых.

И тоска подползает к ногам, трется о колени, выпрашивая ласку. Здесь она тоже имеет обличье, огромной старой собаки.

– Оно можно и проще. Пройтись вон по Квинсти, там бедняков много. Плодятся, что крысы... и продать готовы за гроши хоть детей, хоть родителей. Кого угодно. Так Мамашка и делала большей-то частью. А еще можно в работном доме. Или в приюте. Там-то тоже многие рады подзаработать. Бродяжек кто искать станет?

Все это было настолько ужасно, что хотелось заткнуть уши.

Не слышать.

Не знать.

– Имена. – За спиной Эвы развернулись черные крылья ворона. – Назови имена.

– И зачем мне? – хмыкнула Кэти.

– Не знаю. Ты об этом заговорила, значит, надо.

– Надо. Наверное. – Она больше не плакала, фарфоровая девочка-кукла с неестественно огромными глазами. – Но назову кого знаю. Только, небось, сгорело все. В доме. Когда уходить велели, то сказали бумаги не трогать. Мол, от них и так ничегошеньки не останется. Но она была осторожной тварью, эта стерва. И опытной. Хранила все не только там. В банк пойдешь. Я скажу... Там надо номер. И слово. И ключ. Ключ в другом банке.

Она тихо хихикнула.

– Вот весело-то будет! Она писала, кому платила. И приютским, и из работных. И констеблям, и...

– Суд эти документы не примет.

– А ты и вправду в суд пойдешь, тот, кто меняет обличье? Мне в детстве нянюшка рассказывала сказку о вороне, который оборачивался человеком. Или о человеке, что становился вороном? Он прилетел к разбойникам, укравшим прекрасную принцессу, и всех заклевал. Никакого суда.

Эва хотела обернуться, но не смогла.

– Сделаешь? – Кэти требовательно взглянула на Эдди-ворона.

– Все, что смогу.

– Хорошо. Из чистых домов они редко кого берут. Все же опасно. Расследование. И родственники детей ищут. Многие к магам идут. И ладно, если сразу, но ведь не успокаиваются. Есть такие... один раз почти к самому убежищу пришли. По-

том, позже, искали тоже... Нет, с чистыми домами одни проблемы. Так что только по особому заказу. За особые деньги.

Эва закусила губу.

Она могла бы уйти сейчас. Наверное. И не слышать. Вернуться в гостиную. К чаю. К разговорам... даже о лентах и шляпках, пускай себе. В конце концов, может, остальные потому о шляпках и говорят, чтобы вот не о таком... другом?

А она стоит.

Слушает.

– Ты знаешь имя того, кто заказал тебя?

– Он уже умер, – с сожалением произнесла Кэти. – А другие... их слишком много. Всех не заклюешь, человек-ворон.

– Я не человек.

– Но ворон. А остальное... так ли важно? Тебя ведь эти интересуют, в масках? Правильно. Это обидно, когда кто-то крадет твое обличье. Они решили, что вороньи лица – это забавно. Один так и сказал, мол, символ мудрости... бога какого-то... я не поняла. Я не знаю имен, если ты на это надеешься. Мамашка, может, чего и ведала, а я не успела. Решила, что сумею войти в дело. Что покажу себя, они и примут – им-то, поди, плевать, кто грязную работу делает. А я чем Мамашки хуже?

– Ты лучше, – сказала Эва. – Ты... ты не такая, как они.

– Думаешь? – Кэти покачала головой. – Я именно что такая. Нет, красть не крала. Не успела просто. Не было заказов. А вот девок сманивала. И покупала. И сводней тоже ра-

ботала. Травила, если совсем дура и иначе не понимает. Тебя вот продала.

– Ты... не сама. Тебя такой сделали.

– А ее? Думаешь, у Мамашки другая история? Она-то не говорила, конечно, только думаю, что мало от моей отличная. Мы все там дерьмо.

– Это надо остановить!

– А сумеешь?! – Кэти вновь стала собой, взрослой. И даже шрамы на щеке появились один за другим. – Кто ты? Маленькая глупая девочка, которой однажды повезло спастись. Что ты можешь сделать? Или другие не пытались? До тебя? Был один, захаживал. Не ко мне, нет. Светлый такой мальчишечка, даром что за душой ни гроша. Уговаривал Фаньку бежать. Клялся, что женится, что увезет на Запад... и что? Она почти уже согласилась, когда его с пробитой головой нашли. Или вот жрец, из новых, взялся проповедовать... Такой, что прям слушаешь – и душа болеть начинает. Тоже скоренько помер. Самоубился. А для жреца – великий грех. Нет, девонька, тебе повезло. И береги свое везение. Не лезь в это дерьмо.

– А мне можно? – послышалось сзади.

– Тебе? Откудава мне знать, чего тебе можно, а чего нет? У тебя крылья, да выдержит ли их небо? У тебя перья, но сохранят ли от пуль?

– Я сохраню, – сказала Эва.

И усомнилась.

Получится ли у нее? Что она может? Ничего. Но Кэти приняла этот ответ:

– Хорошо. Знаю я и вправду немного. Но что знаю, скажу.

– Как ты умерла?

– Быстро. И... это хорошо. Это мне повезло.

Сомнительное везение.

– Да что ты понимаешь, девочка. Будь у них время, то и на меня нашелся бы охотник. Или вон алтарь.

– Какой?

– Там, внизу. В подвалах. Я туда прежде не спускалась. Только Мамашка. Не одна. Приводили девку или пару... как-то раз четверых, которые уже все. Ну, стало быть, одна во-все от дурмана разум утратила. Еще одна приболела так, что смысла лечить не было. И двое бежать пытались. Их поймали, ну и поучили. Верно, не первый их побег, если так. Сперва-то вразумить пытаются, а тут не вышло. Она их напоила сонным отваром – и уже потом вниз. А поднялась сама. Одна, стало быть. И так всякий раз. Еще, как поднималась, после к себе шла и пила. Много пила. До одурения. Тогда во-все дверь закрывала, чтобы никто не видел. А как трезвела, то в банк отправлялась. Деньги относила. Денег у ней тоже изрядно. И вот мне сперва любопытно было, как же так... людей-то в доме не появлялось, в подвал она одна ходила, так откуда деньги?

– Но ты не полезла.

– Нет. Вовремя сообразила, что не след. Ну а там, после

аукциона, мне и велено было спускаться. Мол, дом заprime-
тили не те люди. Надо уходить. В другое место.

– В какое?

– Мне сказали, что есть куда. В новый дом. На окраине.
Там порядок навести надо... Мы шли, спускались. И помню,
что к нам еще девка прибегла, из этих, которые наверху бы-
ли. Что-то сказала, а что... потом в шею кольнуло, и все.

Она развела руками.

– Имен не знаю.

– Аукцион. Его ведь кто-то организовывал. Прием. Цветы
эти.

– Цветы я заказала.

– А остальное? Закуски. Посуда. Обслуга. Эти... ряженые.

– Ряженые и есть. Хорошо сказал. – Кэти кивнула. – Они
уж тут сами. Мамашка еще записочку послала, когда соби-
раться. А там уже и явились. Всегда являлись. Такие вот...
серые людишки.

– В серой одежде? – уточнил Эдди.

– Не-а... хотя и одежда неприметная. Просто... такое
вот... будто серые, понимаешь?

– Нет.

– Не знаю, как объяснить. Что пылью припорошенные...
Ну вроде человек человеком, а он... как ненастоящий? Или
вроде того. Работнички-то хорошие. И главное, вот теперь
понимаю, что обыкновенные люди когда работу работают, то
все друг с другом хоть словом, но перемолвятся. Эти же и

не отвечают, если окликнуть. И других будто не видят. Хоть ты на шею сядь, он не заметит. Иные девки, которых дом брала мыть, ажно спорили меж собой. Взались перед этими крутиться, а без толку... Идет такая вон, голая почитай, нормальный мужик шею бы свернул, а эти... – Кэти махнула рукой. – Над ними другие, в черном все. В париках. Даже когда никого нет, они все одно. И я тебе скажу, что они пускай и играют в прислугу, да старшие. Над теми, кто в масках.

– Уверена?

– Оно-то сразу не поймешь. Кажется, что те, которые в масках, наиглавнейшие. Да только... понимаешь, тут и объяснить не объясню. Чутье просто. Но боятся они.

– Те, кто в масках?

– Да. Прямо таки трясутся. А эти любезные, кланяются, но... не так, как слуги. Будто тоже игра.

– Спасибо.

– Да не за что.

– А без масок ты никого не видела?

Кэти покачала головой.

– Но, может, еще примета какая запомнилась?

Она задумалась.

– Я-то... меня не больно подпускали к этим делам. Все говорили, что, мол, рано. И как аукцион случался, то меня или усылали, или вон ставили за товаром приглядывать. Наверх никак... Но одного разу, как в подвале была, явился один. Оно-то запрещено, если так, но этот, видать, особый был.

Он ходил, девок смотрел. Ощупывал, в рот лез. Еще тыкал палкой какой-то. Ну, махонькой. От такой. – Кэти развела пальцы. – И еще белая она, то ли каменная, то ли еще какая. Главное, велел рот раскрывать и в него сувал. А потом глядел. У двоих вроде стала палка другого цвету, и этих он велел в стороночку отвести. Я еще тогда стала говорить, что никак не могу, потому как правила же. Мамашка мне тогда всю голову этими правилами выдурила. Ну и вот... а этот, который второй, в черном, за порядком глядеть поставленный, похвалил, что, мол, правильно все я делаю, но тут особый случай. И Мамашка прилетела, велела не мешать. Этих двух он и забрал. Только...

Она снова запнулась.

– Не для этого дела, мыслю. Не для того, для которого мужики баб пользуют. Ему по какой-то иной надобности, а что за она...

– Как он выглядел?

– А я откуда знаю? Он же в балахоне. И с маскою этой. Белой. Вот. Только... Погодь... он сперва в перчатках ходил. А после снял их. Что-то у него не ладилось с палкою, вот и стянул. И... у него на руке шрам. Свежий еще. То ли опаленный, но как-то вот хитро. А еще перстень! Точно! С драконом!

Крылья за спиной Эвы распахнулись с тихим шелестом.

– Руки-то сами мягонькие, с пальчиками длиннющими. Сразу видать, что из чистых, а тут ожог этот. И перстень,

перстень большой! Мамашка еще потом обмолвилась, что не приведите боги этому типу глянуться. Что лучше уж самый заухудалый из борделей, чем он. И...

Кэти запнулась.

– Ты... ты найди их, ладно?

– Найду, – сказал Эдди.

– И чтобы как в сказке, никого не осталось... в живых.

Нельзя эту погань оставлять. А я...

– Стой, – удержала ее Эва. – Ты ведь помнишь свое прежнее имя?

– Помню.

– Скажи.

– Для чего?

– Не знаю. Может, родные тебя еще ищут?

– И пускай себе ищут. – Кэти пожала плечами. – Хотя навряд ли, но... если и так, думаешь, обрадуются, узнав, чего приключилось? У матушки моей волосы были мягонькими. И пахло от нее сладко. Сладко-сладко. А еще она играла. Садилась вечерочком за клавесину и давай. Нас учила. Но у меня не больно-то ладилось... А она все повторяла, что нужно больше стараться. И отец... Пусть лучше думают, что я живая. Где-нибудь там, далеко-далеко...

– Я... я посмотрю, – сказала Эва. – Но если они до сих пор ищут? И не знают. Это очень страшно: не знать, что случилось с теми, кого любишь.

– Катарина, – сказала Кэти. – Катарина Жеррард. И жи-

ли мы на Цветочной улице. Десятый дом. Белый забор, и еще цветы. Мне тогда нравилось, Цветочная улица, десять. И цветы... Скажи, что я не хотела вот так... Соври им, что я умерла давно. Так давно, что... сама придумаешь. Ты умная девочка.

Эва склонила голову.

Сдержатъ слезы почти получилось.

Почти.

И крылья за спиной обняли. Перья снова гладкие, что шелк, только еще и теплые. И от этого тепла ком в груди разжался, дышать и то легче стало.

Правильно.

Эва ведь не виновата, что все так... Она просто тоже хочет спрятаться. Пусть даже под крыльями.

Под крыльями ворона удобно прятаться.

– Вот и все, пожалуй, да? – Кэти не ушла еще. Она стояла, чуть склонив голову. Но что-то в ней неуловимо изменилось. Будто... будто посветлела? Если туман может посветлеть. – Я... теперь уйду? Куда?

– Не знаю.

– Ты же здесь, значит, знаешь.

– Нет. Я просто шаман. Я могу говорить с духами, но и только. А куда они уходят...

– По-справедливости мне в ад, – спокойно ответила Кэти. – Когда-то говорили, что грешники сгорают в огне. А я не хочу, вот и... осталась. Но здесь так тоскливо. Отпусти?

– В огонь?

– Куда-нибудь. Может, оно и не так страшно... Может, потом я... сумею вернуться?

Раздался нервный дребезжащий звук, и Кэти прикрыла глаза. На губах ее появилась улыбка.

– Мама вот так же... играла на клавесине. Простенькая мелодия. И я все пыталась повторить. – Руки ее поднялись, пальцы пошевелились. – Надо же, помню! Вот так... и теперь. А ты играй.

И Эдди играл.

И почему-то дудка и вправду звенела как старый клавесин. А Эва стояла, спрятавшись под крыльями, слушала и плакала. Плакала и слушала.

Здесь можно.

Здесь ведь все ненастоящее. А когда Кэти не стало, то и музыка оборвалась. И крылья развернулись с тихим шелестом.

– Иди, девонька, – сказал Эдди. – Тебе пора возвращаться. Скажи там, что я бы поел чего. И тебе не помешает. Скоро... поднимемся.

Глава 8,

в которой находится место семейному обеду и душевным разговорам обо всем

Когда Эванора Орвуд вдруг замерла, уставившись в угол, я, признаться, испугалась. И не только я. Леди Орвуд крепко побледнела и сказала что-то такое, что леди произносить точно не стоит. А потом спохватилась и позвала:

– Эва? Эва, девочка...

– Вы слышите это? – Тори тоже чашку отставила и сжала голову руками. – Какой... неприятный звук.

Теперь и я услышала. Не сказать, чтобы неприятный. Далекий. Нервный такой. Свербящий. И зовущий. Но стоило отвлечься, и звук исчез.

Леди Орвуд вынула чашку из пальцев дочери, бросила вышитую салфетку, прикрывая пятно на юбке, и вздохнула:

– Опять.

– Опять? – Я помахала перед распахнутыми глазами Эвы рукой. Ничего. – Что с ней?

– Ушла. – Ее сестрица поерзала и заткнула ухо пальцем. – Нет, все-таки до чего мерзкая музыка. Я, пожалуй, выйду в сад. Все равно пользы нет. А чувство такое, будто спицу в

ухо суют. Мама, прошу...

– Беги уже.

И она убежала, подхватив юбки. Мне только и осталось, что взглядом проводить.

– Впервые это случилось, когда Эве было семь. Она и не помнит. Но я... – Леди Орвуд разгладила юбки. – Мы тогда отправились на похороны. Моя кузина... ушла в родах. Печальное событие. Все очень огорчились.

Надо думать.

Но я молчала. Только глядела на Эву, что застыла с прямой спиной.

– Дорога еще тяжелой была. Осень. Дождь. Экипаж застрял. Мы промокли все. И опоздали. Получилось весьма неудобно. И у Тори температура поднялась. Я их уложила, а потом ночью еще вставала. Как-то няньки были, но... я им не очень... иногда они весьма безалаберны. Вот. Я пришла и увидела, что Эва сидит в постели. Сидит и смотрит. В стену. Решила, что у нее тоже жар, но нет. Лоб был холодным. А она сидела, сидела, потом просто упала и...

Нынешняя Эванора падать не собиралась. Я надеялась, что и не соберется. Ровненько так сидит. И дышать дышит. Слегка бледновата, но не смертельно.

Пульс тоже ровный. Я руку на всякий случай пощупала. Кожа теплая, живая.

– Наутро она сказала, что ребенка нельзя называть Адамом. Он – Стивен. Вот... Тоже неудобно вышло, но она...

она была весьма убедительна. И супруг подтвердил, что ощущает... изменения тонкого слоя, кажется. Он как-то объяснял. Мы уехали. Я надеялась, что это все совпадение, девочка ведь так чувствительна. Еще и дорога, болезнь Тори...

– Дар? – уточнила я.

– Да. Дар начал пробуждаться. Хотя нам говорили, что как такового его нет. Были еще случаи. Сперва спонтанные. Она вот так застывала, даже амулеты, которые муж сделал, не спасали. Одно время он и блокирующие браслеты принес. Но тоже не помогло. Вот... И постепенно Эва научилась уходить сама. По своему желанию. Жутковато, но мы решили не мешать. Она и Тори научила. Вдвоем бродили. Говорили, что там видят, что... а потом однажды Тори просто не очнулась. Эва да, а она... она осталась лежать.

Леди Орвуд поднесла сцепленные руки к лицу, будто собираясь укусить собственные пальцы.

– И сперва мы надеялись, что это временно. Потом тоже надеялись.

– Она ведь вернулась.

– Но вдруг все повторится снова? – Во взгляде леди Орвуд мелькнул страх. И надежда. Причем не понять, на что именно. Что я уверю, будто бы история не повторится?

Или что у меня есть волшебный способ вывести девчонку из транса?

Или... неважно что, главное – пообещать? Ей ведь по сути и нужно лишь это обещание.

– Может, и нет, – осторожно сказала я. – Она не такая беспомощная. И опытная уже. Мне Эдди рассказывал. Она смогла найти дорогу из того дома. Так что тут бояться нечего.

Леди Орвуд кивнула.

– И все-таки иногда мне хочется, чтобы у них не было Дара.

– Тогда мы вряд ли отыскали бы ее.

– Я понимаю, но... у них и так немного шансов найти мужа. Хорошего мужа, а не такого, которому нужны лишь деньги. Теперь еще и это...

Тихий вздох.

– Не спешите. – Вот тут я точно знала, что сказать. – Мужья – они как тараканы, порой сами заводятся, вне зависимости от желания.

По-моему, прозвучало это несколько двусмысленно, но леди Орвуд взглянула с благодарностью.

А Эва вдруг качнулась и моргнула.

Взметнулись руки к лицу.

И дыхание сделалось частым-частым.

– Я... я...

– Ты. – Я взяла ее за руку. – Как тебя зовут, помнишь?

– Эванора. – Она посмотрела на меня с удивлением. – Извините. Пожалуйста. Кажется... Я не специально, мама! Просто он позвал, и... устоять невозможно. Ох...

– Тебе дурно?

– Нет... И он просил передать, что не откажется от обеда. Я тоже. Это все забирает столько сил. Голова опять кружится, но пройдет.

– Оно хоть того стоило? – поинтересовалась я.

И Эва прикрыла глаза, а потом ответила:

– Да. Стоило.

Они и вправду явились. Эдди, взъерошенный и, кажется, раздраженный. Чарльз, потирающий челюсть, и клянусь, что на скуле его постепенно проступал синяк. И слегка виноватый тип, которого мне представили как Эдвина Дархарда. Мрачный, как ночь, Орвуд-старший, от которого во все стороны тянуло мертвечиной. И несколько растерянный Бертрам. Этот, кажется, совершенно не понимал, что произошло.

Что бы ни произошло, это ему не нравилось.

Может, потому, что поучаствовать не довелось?

Нет, мысли свои я при себе оставила. А леди Орвуд и вообще сделала вид, будто все это – совершенно нормально. И бледная, но спустившаяся к обеду Эванора, которая успела и платье сменить, и косу переплести. И такая же бледная и раздраженная Виктория. Она платье не меняла, а в пальцах вертела сухой листок. И... все остальное.

– Прошу. – Леди Орвуд вымученно улыбнулась. – День ныне чудесный, не правда ли?

– Несомненно. – Эдвин Дархард поспешно отряхнулся, и на губах его появилась улыбка. – Редко случаются дни столь

солнечные и ясные, но ваше присутствие, дамы, способно скрасить любой день!

И эти слова будто сигналом послужили.

Заговорили сразу и все. Про погоду, про что-то еще, не менее важное. А Чарльз, наклонившись ко мне, тихо-тихо произнес:

– Я его видел.

– Кого?

– Змееныша. – Он шепнул это в самое ухо, и я едва не подавилась от неожиданности. Предупреждать же надо. А еще, судя по тоскливому взгляду супруга, ничего хорошего Змееныш ему не сказал.

Вот что за люди, а? Помер, так веди себя, как приличному покойнику положено! Но нет же...

– Потом расскажу, – пообещал Чарли.

– Кстати, от вашей игры меня стошнило, – светским тоном заявила Виктория Орвуд.

– Тори! – Леди Орвуд, кажется, настолько устала, что даже в ужас не пришла.

– Ай, мама, да все равно нас никто не примет как юных прекрасных леди. А вот ужасные... – Она слегка прищурилась.

– Виктория. – Голос отца был сух. – Будь добра вести себя прилично, иначе я решу, что ты слишком дурно воспитана, чтобы в принципе выпускать тебя из дома.

Глаза Тори нехорошо блеснули.

– Знаете, – Эдвин чуть поерзал, – а мне порой тоже невыносимо душно становится от всех этих правил... Иногда кажется, что я попал внутрь музыкальной шкатулки. У моей матушки есть такая, красным бархатом обита, а внутри леди и джентльмен в танце кружатся. Заводишь, и они кружатся, кружатся, пока завод не иссякнет.

Он потер лоб.

– Кажется, я тоже слишком много говорю... и простите вашу дочь, леди Орвуд. Это не ее вина. Это... кажется, мое эхо.

Эдвин поднялся.

– Я вынужден откланяться. Я...

Он хотел сказать еще что-то, но покачнулся и осел на пол. Надо же, оказывается, не только леди падают в обморок.

– Вот знаете, – Тори чуть наклонилась, – первое, что усваиваешь, если начинает кружиться голова или что-то... не так, то лучше прилечь. На всякий случай.

– Если на него вылить воду, он может очнуться, – заметила Эва и подала стакан с лимонадом. – Мокрое всегда такое гадостное! Я вот ненавижу, когда на меня что-то льют...

– Думаю, – Чарльз поднялся, – стоит куда-нибудь его перенести. И подальше. Он менталист.

– Тогда понятно. – Орвуд-старший, кажется, выдохнул с облегчением. И тоже встал. Эдди, подхватив менталиста-неудачника на руки, заметил:

– Я ему предлагал наверху нас подождать.

– В следующий раз прислушается. – Чарли явно не чувствовал себя виноватым. – Пожалуй, мы отклоняемся. Прошу прощения, леди Орвуд, но... с учетом нестабильности этого весьма способного менталиста, находиться рядом с ним вам небезопасно.

– Благодарю. Думаю, нам стоит посетить магазины... какие-нибудь определенно стоит посетить. И да... чувствую, что голова немного кружится. Господи, как я устала от этого всего! Может, лучше все-таки на море...

Я открыла рот, но муж потянул меня к выходу, и потому спросить, что изменится на море, я просто-напросто не успела. Ничего, потом спрошу.

И еще скажу, что море нервы успокоит, конечно, но лучше принять успокоительное снадобье, так дешевле выйдет. Боже, ну и бред же в моей голове! А главное, мне так хочется им поделиться со всеми!

Я зажала рот руками, чтобы не сказать, что...

Не помню уже – что, но помню, что сказать хотелось. Нет, этого их Эдвина, несмотря на его благообразную физиономию, нужно держать подальше от нормальных людей. А то ведь этак наговоришь чего-нибудь не того.

Совсем не того.

В карете я руки убрала.

Как-то полегчало, что ли.

– И что это было? – уточнила я у мужа, который тоже сидел прямо-прямо и глаза выпучивши. Эдди и вовсе в доме

остался. Надеюсь, его на откровения не потянет.

А...

– Я знал, что у него ментальные способности, но вот чтобы настолько выраженные... – Чарли поморщился. – Теперь голова болеть будет. Понимаешь, когда твой брат играл, то сперва вышли к Эдвину. Один его хороший товарищ вроде, и живой, но в себя не приходит. Его в сгоревшем доме нашли.

Чарльз поглядел на меня и тяжело вздохнул.

Ага, совестно? Про сгоревший дом я вот впервые слышу. Между прочим, нехорошо.

– Тот дом, в котором проводили аукцион, сгорел. И почти дотла. Только подвалы уцелели чудом. Хорошо, что я смог оттянуть энергию и перелить ее в камень. Вот как ты делала.

А кто-то мне еще твердил, что так небезопасно и вообще!

– Если бы не сделал, то полквартала выгорело бы! Это мой долг и...

– Ага. – Я поморщилась. Голова и вправду начала ныть. А она у меня почти никогда не болит. Еще там, дома, доктор говорил, что у меня здоровья с крепким таким запасом.

Прав был.

– Вот в подвале и нашли друга Эдвина. И ту девицу, распорядительницу. И еще алтарь. Я этому идиоту скажу, что если себя не контролирует, то нужно артефакт носить! Блокирующий, чтоб его!

– Скажешь, – успокоила я мужа. – Конечно. И в рожу дашь.

– Зачем?

– Я откуда знаю. Он же тебе дал зачем-то.

– А. – Чарльз погладил скулу. – Это я его сам попросил.

Змееныш едва не вывел из круга... Нет, надо по порядку.

Орвуды пытались призвать души, но не вышло.

– И вы решили позвать Эдди?

Ну да, в принципе, правильно. Я бы тоже так сделала.

– Тогда это показалось отличной идеей.

– А теперь?

– Я... мы не слышали, о чем он говорил. Он обещал рассказать позже. Главное, что сперва Эдвин увидел этого своего друга. А потом ко мне Змееныш явился. И сказал, что я тебя люблю, потому что у тебя Дар. Тот... проклятый.

– Ага.

– И мне бы помолчать стоило. Но я ему рожу набью. Менталисты крайне неустойчивые создания, поэтому обычно и держатся в стороне от людей. Если Дар выраженный. А у него, зараза, выраженный... Верно, когда твой брат играл, что-то нарушилось. Или Эдвин решил добавить немного легкости в разговор. Менталисты воздействуют и на эмоции.

– Но переборщил, и всех понесло.

– Точно.

– А его?

– Не знаю. Думаю, просто вычерпал себя, и все. Отойдет.

А там и Орвуды с ним... побеседуют на тему.

Тут Чарльза откровенно передернуло: он явно представил

себе эту беседу. И живенько так. Да уж. Но с другой стороны – сам виноват. Нечего к другим людям в головы лезть.

– Но все-таки то, что делает твой брат, это... Ты не обижайся, но это очень и очень странно.

А то я сама не знаю.

Глава 9

Про леди, которым все еще свойственно излишнее любопытство

Бледный маг тонул в перинах. Его голова едва возвышалась над пуховыми подушками. А другие, совсем крохотные, едва ли больше кулака, но обшитые кружевом, поднимались над ним этакою мягкою горой. Того и гляди она от неловкого движения осыплется и погребет несчастного.

Мага даже жаль стало.

Он лежал тихонечко, только пальцы вцепились в одеяло. А на лбу выступили бисерины пота.

Но дышал.

Это хорошо, а то еще ненароком помрет, и кто виноват будет? На сей счет у Эдди сомнений не было.

– С ним... все будет хорошо? – шепотом спросил он у некроманта, который стоял подле кровати с видом, преис-

полненным скорби.

– Будет, – ответил маг, слегка поморщившись. – Уже. Только голова болит. Кажется, я позволил себе немного лишнего. Прошу прощения.

И глаза открыл.

Чернющие. Чтоб ему... Эдди бы шарахнулся, будь нервы послабее. А вокруг черноты расползаются красные ниточки сосудов. В левом один вон лопнул, и в глазу растеклось алое облако крови.

Жуть.

– Может, все-таки целителя? – Эдди, конечно, не великий специалист, но выглядел этот маг столь погано, что даже жаль его становилось.

– П-пройдет. И мне будет легче, если вы расскажете. Вам удалось связаться с Кэти?

– Да. – Эдди огляделся. В комнате, легкой и воздушной, этакой совсем уж зефирной, стулья были под стать. Беленькие и какие-то словно игрушечные. Садиться на такие боязно.

– Хорошо. Я видел... Бальтазара.

– Это того...

– Да.

– Хорошо.

– Что хорошего?

– Стало быть, душа не ушла. Если бы совсем ушла, то я бы не дозволялся. А так она там, значит, шанс вернуть в тело

имеется.

Маг слегка поморщился:

– Бертрам... ты мог бы отправить записку ко мне?

– Уже.

– Хорошо... принесут флягу... укрепляющий отвар. Знаешь, до сих пор ведет. Ощущение, словно пьян... хотя я никогда...

– Не напивался? – Эдди все же подвинул стул к себе.

– Увы. Дар проявился довольно рано. А контроль для менталиста важен. Очень важен. Я с подросткового возраста впервые... и не специально. Прошу простить меня и... Я действительно не отдавал себе отчета. Хотя слабое оправдание, конечно.

– Забудь, – отмахнулся Орвуд и тоже стул подвинул. А потом поглядел на Эдди и велел: – Рассказывай. Начни с того, как там оказалась моя сестра.

– Не сама она. Дух.

– Ну да, существенная разница. Дух моей сестры.

– Я позвал. – Эдди потер переносицу. – Я же самоучка. По-хорошему шаман когда берет ученика, то помогает. Выводит на тропу. Учит звать духов. Говорить с ними. А я вот чего-то помню с детства, остальное – как получается. Шаман, нормальный шаман, может вызвать конкретного духа. А я просто кидаю зов, и кто откликнется, тот и...

– Она откликнулась.

– Да. Хотя обычно люди, которые не спят, да и те, что

спят, но Дара не имеют, они не особо слышат. Она услышала и пришла. А потом уже она позвала Кэти. Я же что? Я же видел эту вашу Кэти только на сцене, издали. А этого мало. Если бы связь с телом сохранилась, тогда да. А раз связи нет, то и вот... – Он развел руками. – Получилось, как получилось.

– Но Эва эту женщину знала? – уточнил некромант.

– Точно. И дозвалась. Она... сильный шаман.

– Не скажу, что это меня успокаивает. – Бертрам вздохнул.

– Отчего?

– Наш Дар и без того вызывает опасения. У Орвудов девочки редко появлялись. Очень редко. А мужчинам прощается многое. Но с замужеством Эвы будут проблемы. Слухи пошли. И... Тори тоже. Да неважно, как-нибудь разберемся. – Он махнул рукой.

Эдди же подумал, что если так, то... может, оно и неплохо. То есть плохо.

Он сам, помнится, волновался, что сестра замуж не выйдет. Однако же получилось. А тут... Нет, планов у него не было. Какие планы? Граф он там или случайно получилось, но рожу титулом не изменишь. И... не о том думать надо.

Совершенно не о том.

Особенно когда в тебя вперился взглядом менталист, пусть и слегка замученный.

Эдди нахмурился, и менталист поспешно взгляд отвел, устремив в потолок, расписанный этакими веночками из роз

и полевых цветов. В общем, смотри и радуйся.

– Тут все погано, – вынужден был сказать Эдди, немалым усилием воли отвлекаясь от розочек, веночков и каких-то трусоватых мыслей, что титул может чего-то там изменить. И вообще, ему предсказано... – Начнем с того, что есть списки. Не тех, кто в клубе, но тех, кто детей продавал. Кэти говорила, что и из приютов, из работных домов. Присматривали кого-нибудь и продавали.

– Интересно. – Почему-то голос менталиста сделался низким, рычащим.

– А то. Она вроде как бумаги вела, та, которая еще до Кэти. Мамашка. Вот. Но, думаю, опасалась, что ее рано или поздно зачистят.

Так бы и вышло, не помри она от проклятья.

– А потому и бумаги эти хранила не только в доме. – Эдди чуть качнулся, и стул под ним легонечко хрустнул. – В одном банке ячейка, в другом – ключ от нее. Эва знает, где.

– Это небезопасно, – заметил Берт.

– А можно подумать, остальное дерьмо, в которое меня втащили, охрененно безопасно, – пробурчал Эдди. – Если вы сунетесь, как знать... я ж дикарь тупой. И в здешних делах ничегошеньки не смыслю. Да и не думаю, что кто-то вообще про эти бумаги чего знает. Кабы знали, то и банков не оставили бы. А так...

Он вздохнул.

Делиться приходится не только прекрасным.

– Значит, так. – Эдвин потер голову. – За банками мои люди присмотрят. Издали. Спешить не будем. Если бумаги там, то пусть лежат. Надо убедиться, что... А там через пару недель и изыдем. Мне к императору надо будет... точнее, отцу. Все это грозит вылиться в такой скандал, что...

– Замять попробуют? – Эдди нахмурился.

– Такое не замнешь. И... император будет рад поводу. Он полагает, что не все мятежники... Проклятье, я опять говорю слишком много. Но тебе надо учиться.

– Сам знаю.

– Нет. Я не про то. Университет. – Палец уткнулся в Эдди. – Тебе надо в университет. И им всем надо... чтоб вас. Берт! Дай мне снотворного какого. И дверь закройте, а то... Когда же это закончится... чтоб я еще раз... а ведь...

Эдди хмыкнул.

И отступил.

На сей раз Тори дошла до лестницы быстро, а потом остановилась на самом краю. И когда Эва приблизилась, просто вцепилась в руку.

– Надо, – сказала Тори, и глаза ее, залитые чернотой, казались провалами в бездну.

– Я тебя держу. – Эва осторожно ступила первой.

Дом спал.

Где-то далеко часы пробили дважды, и этот звук, глухой и тяжелый, утонул в глубинах дома. Тени разве что ожили.

Но тени всегда здесь пробуждались после полуночи.

Их Эва не боялась.

Никогда.

Даже еще ребенком. Тогда у них с Тори была одна детская на двоих. И они сами выманивали тени из-под кроватей. Играли с ними. Почему Эва забыла об этом?

Забыла.

А теперь вот... Тени сползались, спеша коснуться босых ног. Не страшно. Они мягкие и... да, немного теплые. Беспокойные.

Вот.

Ниже.

И еще ниже. И Тори смотрит перед собой. Улыбается так, жутковато. Может, маму позвать? Нет, с нее довольно волнений. У нее от переживаний к вечеру мигрень разыгралась, а еще прислали записку, что с платьями для бала какая-то беда приключилась: то ли лент не хватило, то ли вовсе они уже из моды выйти успели, что широкие, что узкие.

Глупости.

Какие это глупости.

Внизу лестницы серая дорожка. Тени тоже слышат? А Эва нет. Она прислушивается, пытаюсь уловить хоть что-то. Но... нет, ничего. Тишину дома нарушают обыкновенные звуки ночи. Поскрипывание старого паркета, что избавляется от дневной тяжести. Вздохи в трубах. И ветер за окнами.

А Тори решительно ведет дальше.

И быстро.

Она почти бежит, тянет Эву за собой. Дальше по коридору. Мимо столовой... и еще дальше. Кабинет отца? Эва, кажется, понимает, куда им надо.

– Там закрыто, – говорит она, но Тори, встав перед дверью, просто кладет руки на нее. И дверь вспыхивает темным огнем. А потом отворяется.

Беззвучно.

И от этого страшно. Но тени, любопытные тени первыми устремляются вниз по лестнице. Они готовы вести Тори за собой. И Эву тоже.

Куда?

Света бы. Но... нет, ничего нет. И приходится опираться на руку Тори. Теперь ведет она. Жутко как... сердце колотится, что безумное. И хочется сбежать. Наверх.

Но слишком темно, и если Эва отпустит руку сестры, то заблудится.

Она не найдет дороги.

Именно так.

– Смотри не глазами. – Тори останавливается. И вот странность, хоть света нет, но Эва видит белое пятно ее лица. И черные-черные глаза. – Закрой.

И вторая ее рука ложится на лицо Эвы.

Снова странность, но если глаза закрыть, то и вправду все видно. Нет, не так, а... очертания. Тени спешат расползтись, и Эва их видит, а за ними и стены.

Двери.

Она была за одной из этих дверей. За которой? Забыла. Все-таки она глупая и невнимательная. А Тори идет. Она точно знает, куда ей нужно. Она всегда точно знает... и идет.

Шаг за шагом.

Дверь.

Не заперта. За нею комната. Небольшая. Тени отступают, и Эва слепнет, отчего открывает глаза, но тут же жмурится. Как ярко... то есть не очень. Комнату освещает одна керосиновая лампа, и крохотный огонек трепещет под стеклом.

Тори морщится.

Еще в комнате есть кровать. И человек на этой кровати. Он лежит, тихо так, и Эва не уверена, жив ли он. Но Тори знает. Тори отпускает руку Эвы и подходит близко. Она застывает над кроватью, над человеком, слегка покачиваясь, словно раздумывая над тем, что видит. А потом спокойно кладет руку на его грудь. И тьма, окутавшая ее пальцы, устремляется в тело.

Смотреть жутко, но...

– Помоги. – Тори оборачивается. – Помоги мне...

– Как?

– Ты можешь позвать... я знаю.

– Я не знаю. – Эве больше всего хочется сбежать, но ноги цепенеют. И сама она не способна пошевелиться.

– Позови!

– Кого?! Как его зовут, знаешь?

– Нет. Но я слышу... слышу.

Тори протянула руку, и Эва решилась. Она коснулась пальцев сестры. И тьма не обожгла. Она и не такая уж страшная, но...

– Я слышу, – жалобно произнесла Тори. – Он зовет... ему надо помочь. Я слышу! Он тоже потерялся, а теперь...

– погоди. – Эва сжала пальцы. – Давай как раньше. Я помогу тебе, а там... там решим.

Это опасно.

Очень-очень.

Ведь в последний раз, когда они ходили вдвоем, Тори не вернулась. А вдруг она снова... Нет, она может уйти и без Эвы. И если просит о помощи, а раньше Тори никогда и никого не просила, то ей эта помощь на самом деле нужна.

И Эва поможет.

А что до заблудиться, то... то у нее перо есть. Вот. Эдди сказал, что найдет ее везде? Значит, бояться нечего.

Она вдохнула.

Потом шагнула к постели и села. Если падать, то лучше уж на мягкое, хотя лично она предпочла бы свободную постель. Тори опустилась рядом. Эва же, нащарив влажноватую, но теплую руку человека – вот не стоит в это лезть, не стоит, – сжала ее.

А теперь надо представить его же, но... не здесь.

Где?

Где он был до того, как попасть к ним? Закрывать глаза.

Глава 10

Про то, что не все двери оставляют открытыми

...Дом.

Эва узнала его. И сердце сжалось от ужаса. Она бы закричала, но чья-то рука зажала рот.

– Тише ты, – зашипела Тори на ухо. – Это...

– Это тот дом.

Эва поняла, что они находятся не в мире яви. Снова все размытое, расплывчатое и серое. У серого, оказывается, тысяча оттенков. И дом выглядит почти настоящим.

– Он... здесь тоже был? – тихо спросила Эва. – Если мы здесь?

– Это если тебя не вынесло.

– Нет. – Эва повернулась. – Вон. Смотри.

Человек стоял на другой стороне улицы. Он прохаживался, время от времени останавливаясь, и смотрел не на дом, но на реку.

– Думаешь? Он не похож.

– Здесь все немного другое.

– Вот не учи...

– Я не учу. Он здесь выглядит так, как... думает, что выглядит. Вот. – Эва вытянула руки. Она вновь в нелепой чужой рубашке из тонкого полотна. Ноги босые. Но ей не холодно. Да и вообще не ощущает она мостовой. Только если захотеть... да, рубашка превращается в платье, пусть даже простое и домашнее, но это лучше, чем так.

А Тори тоньше.

Изящнее.

И в бальном наряде, именно в том, который она так и не надела тогда. Впрочем, платье Эвы тоже осталось где-то в гардеробной, потому что идти на бал, когда с Тори такое, никак невозможно. Те платья давно вышли из моды.

– Прелесть, правда? – Тори крутанулась. – Какая я все-таки глупая была.

Эва хотела сказать, что и сейчас она не больно поумнела, но сдержалась.

– Мы здесь вообще зачем?

– Понятия не имею, – сказала Тори. – Но интересно. Кого он высматривает?

– Дом. Я так думаю.

– Он же...

– Он его не видит. – Эва прищурилась. – Давай ближе.

– А...

– Нас он тоже, скорее всего, не увидит. Это то, что было.

Уже случилось.

Господин с тросточкой выглядел этак... Ну, наверное,

раньше Эва сочла бы его красивым. Было в нем что-то такое, возвышенное, как в Стефано. Или просто и вправду похож? Такой же хрупкий с виду. И волосы светлые. А вот усики ему совершенно не идут.

– Чего ты на него так уставилась? – поинтересовалась Тори хмуро.

– Просто... напомнил одного знакомого.

– Интересного?

– Куда уж интереснее. Он меня уговорил сбежать, а потом продал.

– А... нет, этот не такой.

– Откуда ты знаешь?

Сестра посмотрела на Эву как на дуру:

– Я чувствую.

Эва тоже чувствовала, но... но тогда, скажи ей, что Стефано подозрителен, она бы не поверила. Она бы ни во что не поверила, потому что главное ведь – любовь.

А остальное...

Неужели Тори...

Нет, невозможно! Она же этого вот, с усиками, впервые увидела в подвале. А потом еще здесь. Разве этого достаточно, чтобы влюбиться?

И вообще... С любовью, выходит, ничего не понятно.

– Точно не видит. – Тори помахала рукой перед лицом господина, что продолжал упорно прогуливаться по набережной.

– Я тебе говорила, – фыркнула Эва и огляделась.

Если они оказались здесь, то... не случайно?

Должен быть какой-то смысл. И... им хотят что-то показать? Господин? Или нет. Он какой-то... слегка размытый, если приглядеться.

И сама улица.

Будто дрожит.

Ну вот, потемнело. Нет, не постепенно, как-то вдруг, будто свет выключили.

– Что за...

Блеклые пятна фонарей. А дом будто пламенем охвачен призрачным. Снизу оно темное, но чем выше, тем светлей. У крыши и вовсе легкое марево, если не приглядываться, то и не заметишь.

А вот улица... Прямая такая.

Пустая.

И тревожно на сердце. Оттого и тянет скорее ухватиться за руку сестры. И та молчит, только мнет в руках кружевной платочек.

Кареты.

Они выныривают из сумрака, разом обретая и очертания, и плотность. Черные. Мрачные. Какие-то одинаковые. Кареты останавливаются у дома, и из них выходят люди.

В масках.

Мужчина и женщина. Всегда мужчина и обязательно женщина. Люди поднимаются по ступенькам, чтобы пройти в

дом.

– Нам туда. – Тори тянет за собой. И снова у Эвы не хватает сил удержать сестру от безумия. Она идет. Тяжело. Она не хочет снова оказаться там, в этом доме, пусть теперь и может уйти отсюда в любой момент. Но... она идет.

Это важно.

Для кого?

Эва не знает. Но поднимается по ступеням, правда задерживается у входа. В этом нет смысла. Они все спрятались. Все-все. Друг от друга. От случайных гостей. Они придумали маски, но... меняли их на входе. Снимали одни, шелковые и гладкие, такие, которые приемлемы на любом маскараде, и надевали другие, клювастые и уродливые.

И в это мгновенье их лица становились видны.

В мире, который подчиняется тебе, мгновенье может длиться целую вечность.

– Что ты...

– Смотри, – велела Эва жестко. – Смотри и запоминай их. Он видел. Он всех их видел.

Солидного господина с залысинами и массивным носом, на котором выделяются черные точки пор. И юношу той чухоточной бледности, которая недавно вошла в моду. Мрачного типа с черными волосами на пробор. Кто так носит? И пухлого нервного мужчину, чем-то неуловимо похожего на мистера Дайсона, их соседа.

– Сколько их... – Тори провожала взглядом каждого.

Почти каждого.

Некоторые, к сожалению, надевали маску поверх маски. Осторожные? Но их Эва тоже пыталась запомнить. И дом помогал. До нее доносились запахи, которых там, в настоящем мире, она бы не смогла почуять. Лаванды... лавандой набивают мешочки.

Эва шила их каждый год.

И вышивала тоже, ибо мешочки для лаванды, которыми перекладывают белье, должны выглядеть красиво.

Сигар. Не тех, что курит отец. Эти более горькие. Едкие. И кажется, от их дыма на языке остается привкус шоколада. Их владелец скрывает лицо за маской, расшитой серебром и жемчугом. Такая подошла бы женщине. А еще он не носит перчаток. И вот руки у него как раз мужские, грубые, широкие, с квадратными ногтями и даже длинным шрамом, что протянулся по тыльной стороне запястья. Он берет начало между мизинцем и безымянным пальцем, чтобы руслом нарисованной реки уйти выше, а потом и вовсе спрятаться под белоснежной манжетой.

И еще один.

Костюмы... зачем шить костюмы у портного на заказ, если они выглядят одинаковыми? Этот маску нацепил еще в карете. Серую.

Странно, что здесь, на Изнанке мира, серый цвет выглядит настолько ярким. И распорядитель низко кланяется именно этому гостю. Он что-то говорит, только Эва не слы-

шит. Подхватив юбки, она бросилась вперед. Ей очень надо... хоть что-то надо. Дому не нравится этот человек. Настолько, что тот вырисовывает следы на ковре.

Черные. Дымящиеся.

Жуть.

– Ты куда...

Голос Тори донесся словно издалека, но... Эва спешит. Обегает человека в серой маске. Ничего. Он похож на ворона, только ненастоящего. Уродливого. А настоящие красивы, и даже очень. Этот же... высокий. Выше Эвы.

Что еще?

Он словно объят темным пламенем, которое тянется снизу. И воняет... как же от него воняет! Это отнюдь не запах туалетной воды, с которой порой перебарщивал дядюшка Фред, маменькин кузен, появлявшийся в доме редко, только когда сильно проигрывался в карты. И маменька потом злилась. И за карты, и за эту его привычку.

Но... там запах был хоть и сильным, но не таким.

А здесь...

Что-то гнилое.

Едкое.

Отвратительное настолько, что, будь Эва настоящей, ее бы вывернуло.

Тонкие руки. Белоснежные перчатки. И человек гладит левой рукой правую. Сквозь перчатку проступает что-то... кольцо? Перстень?

В петлице бутоньерка. Незабудки и... и еще какой-то цветок. Эва не знает, но запомнит. Как запомнит и трость, которую он оставил распорядителю. Трость из темного дерева, с виду простая и даже непримечательная, но свет падает как-то так, что из дерева выглядывает змей...

Нет, не змей, хоть и похож.

Но у змей нет ни лап, ни крыльев. Дракон? Это...

– Да что с ним не так?! – Тори требовательно дернула за рукав, и Эва упустила мгновение. Вот человек оборачивается, кланяется кому-то. – Надо же, какой...

– Какой?

– Притягательный.

– От него воняет.

– Нет, что ты. – Тори прикрыла глаза. – Какой удивительный аромат.

– Ты в своем уме?

– А кто из нас вообще в своем уме?

– Это... это же вонь!

– Как та музыка. Ты ведь слышала ее иначе, а меня и вправду стошнило.

Человек идет мимо Эвы. А за ним бледной тенью следует девушка. Ее лицо не скрывает маска, но само лицо на нее похоже. Белый фарфор, легчайший румянец. Тонкие черты...

– Красивая. – Тори втянула запах. – И тоже пахнет... им. Надо его найти.

– Надо, – согласилась Эва. – Найти и убить.

А в дверь входит еще один человек. И его Эва узнала. По усам. Сейчас они кажутся смешными, наклеенными.

– Это еще что за шлюха...

– Тори!

На плече человека повисла девушка той своеобразной наружности, которая свидетельствовала, что образ жизни ее далек от приличного. Хорошенькая. Круглолицая. Синеглазая. Ее волосы слегка выются и, прихваченные бантиками у висков, водопадом ложатся на плечи.

Девушка что-то говорила...

А ведь Эва должна понимать, что они говорят. Или... или дом не понимает? Он видит, но не слышит?

– Спасибо, – шепнула Эва, прижавшись щекой к стене. – Спасибо, что ты принял нас.

И услышала эхо, далекое, полное боли.

– Я... я что-нибудь придумаю. Или это все? Нам уходить? Мгновенье.

И все снова меняется. Столь стремительно, что Эва не успела заметить, как и куда исчез холл и люди в нем. Просто вдруг она оказалась в месте, где темно.

Тесно.

И страшно.

– Тори!

– Я тут. – Пальцы из темноты коснулись руки. – Здесь... жутковато.

Ее фигура шла рябью, но вот все посветлело.

Подвал.

И факелы на стенах. Мужчины спускаются. Впереди тот, в серой маске. За ним две девушки. Одна – бледная и... неживая.

Вот что в ней неправильно.

Она неживая!

То есть Эва была не совсем уверена, она все-таки пульс не прощупывала, но испытывала странную убежденность, что так оно и есть. Ведь здесь Эва видит чуть больше, чем там.

Вторая выглядела живой.

Та, с бантиками в волосах и синими глазами.

С губами слишком яркими, чтобы поверить в отсутствие помады. И мушка на щеке никуда не делась. Она следовала за мужчиной, не спуская с него влюбленного взгляда.

В подвал.

И дальше.

За ними идти?

Кэти... Кэти и двое мужчин тянут третьего.

– Они его убили! – прошипела Тори.

– Он же живой. Значит, не убили. Не до конца.

А из двери снова появилась та, светловолосая, с бантиками. И что-то сказала Кэти. А потом кивнула на мужчин. В следующее мгновение она продемонстрировала пуговку, зажатую в руке. И...

Мир замерцал.

– У меня голова сейчас заболит от этой суеты, – провор-

чала Тори. – Давай помедленнее.

Изменилось немногое.

Девушка переступила через тела. Кэти... Кэти теперь лежала на полу, а девушка наклонилась и обшарила ее, вытащила из вороха юбок кошелек, который отправила в вырез платья.

Подошла к тому мужчине, с усиками, и обыскала уже его.

Отвесила несколько пощечин.

И когда тот открыл глаза, о чем-то спросила. И повторила вопрос... но голова мужчины запрокинулась.

И девушка этим недовольна. Она кричит, судя по тому, как широко открывается ее рот. И из двери вышла вторая девушка.

Мужчину подхватывают.

Тащат. Им тяжело. Той, которая жива, точно. А вот та, другая, с безумною улыбкой и широко распахнутыми глазами, держит мужчину с легкостью.

Она бы и сама справилась.

Картинка пошла рябью, становясь все более и более прозрачной. И Эва почувствовала, что еще немного, и она вовсе исчезнет.

– Нет! – Крик Тори почти разорвал хрупкую ткань иного мира. – Сделай хоть что-то!

Что?

Или... кровь, если кровь... нет, для этого надо вернуться, а Эва не уверена, что снова отыщет дорогу. Тогда что?

У нее есть перо.

И...

И Эва решительно вытащила его из волос. Она ведь, в конце концов, не для себя. И не для Тори. А потому... потому что, что бы ни происходило в этом доме, оно по-настоящему важно.

Именно так.

И Эва сжала перо в руке.

– Что ты...

– Замолчи, – попросила Эва, и сестра в кои-то веки подчинилась. А теперь надо позвать, но... как правильно звать того, кто должен услышать?

Эдди.

У него есть имя.

И еще тысяча обличий, потому что он шаман.

Особенный.

И когда тень от крыльев легла на мир, Эва улыбнулась. Услышал. Он ее услышал.

Глава 11

О том, что реальность порой куда сложнее, чем кажется

Эдди почувствовал тот момент, когда сон, в общем-то совершенно обыкновенный, полный полуразмытых образов и столь же неясных ощущений, изменился.

Стал плотнее воздух. И в нем прорезался характерный запах дыма. Едкая горечь его резала глаза. А жар опалил перья.

Перья?

Он снова стал вороном.

И снова – на той стороне. Не сам. Потому что его позвали.

Кто?

Несносная девчонка, которой не спится по ночам.

Ворон взмахнул крылами, поднимаясь над серым городом, и хрипло каркнул. А потом опустился ниже. Он видел русла улиц и темные скалы-дома. Видел тени людей. Одни выглядели плотными, почти настоящими, облик же других едва угадывался.

А еще он видел пламя.

Здесь оно было синим. И поднималось до самых небес. В вышине пламя свивалось, складываясь престранными узора-

ми, чтобы устремиться вниз, к крохотному с виду человечку.

Чарли?

Это... это прошлое. То, что было раньше. Город помнит. И мир духов тоже. Но Эдди нужно не туда, там все ясно, его зовут в сам дом. Все еще целый.

Всегда целый.

Навсегда.

Он сложил крылья и рухнул в бурлящее пламя, чтобы закричать, но не от боли. От ярости. И пламя утихло. А дом изменился.

Так бывает.

Это... это еще более раннее прошлое, где огня еще нет. Он почти готов родиться, выплескиваясь из камней, разброшенных по всему дому.

Но главный, самый большой, прячется внутри.

Там, где стоит девушка, сжимающая в руке воронье перо. – Ты услышал! – воскликнула она радостно. – Ты пришел.

Чтоб тебя...

Вот и спасай после этого всяких.

Обличье сменилось легко, он и подумать не успел.

– Нам... очень нужно было посмотреть! Это про того человека, в подвале. – Эва тотчас вцепилась в руку, словно испугалась, что сейчас Эдди возьмет и исчезнет. – Тори сказала... и вот мы здесь. Мы его видели. Он шел сюда. Пришел. С женщиной. Но эта женщина совсем-совсем неживая! А Кэти умерла. И не только она. И...

– Тише, – попросил Эдди, приложив палец к ее губам.

И она не отстранилась, только ресницы хлопнули.

– Просто тут все дрожит и, кажется, у меня заканчиваются силы. А как сделать, чтобы пройти дальше, я не знаю.

– Вот ведь счастье подвалило... – проворчал Эдди, и Эванора Орвуд вспыхнула.

– Извини, – произнесла холодно. – Если оторвала от важных дел.

Ну вот, обиделась. И за дело же. Ну да, Эдди никогда особо с женщинами не умел общаться. Но стыдно стало.

– Куда смотреть?

– Туда. – Она указала в коридор. – Они его туда понесли. Одна и еще другая, которая с ним пришла. У нее еще глаза голубые.

– Серые, – возразила вторая девица, до того державшаяся в тени. – А от него пахло... так пахло... просто невероятно.

Эва скривилась.

За дверью обнаружилась комната.

Странная комната.

Страшная.

Свечи.

Факелы.

И человек, склонившийся над другим.

– Что же вы так? – Его голос эхом отражался от стен. – Вы ведь так жаждали попасть в самое сердце... вы здесь. По-

здравляю.

Камень. Длинный камень, черный от Силы, его напитавшей. Глаза ведьмы закатились, а рот приоткрылся.

– Назад! – Крик Эдди смешался с криком парня, грудь которого пробил тонкий клинок.

И ведьма вздрогнула.

А затем обернулась. Темные бездонные глаза. Скривленный рот.

– Тори! Тори, что...

– Ведьма! – Эдди отвесил девице Орвуд пощечину, и ее голова запрокинулась, а когти впились в его лицо. Она взвыла.

И отступила.

– Это... это...

– То место. – Эдди обернулся.

Тот, который кричал, дотянулся до алтарного камня. Камень сам по себе артефакт? Похоже на то. Но другой, с клинком, резко вытащил этот клинок из груди жертвы и сказал что-то, но звуки пропали, а следом и картинка побледнела. Последнее, что увидел Эдди, прежде чем окончательно проснуться, – коридор с мертвецами. И первым лежал тот самый парень, мертвый, но не совсем.

Твою ж мать! И дернул же черт встретить эту девицу, которая умудряется вляпываться из одного приключения в другое.

Он отер пот со лба и поднялся.

И выругался, едва не наступив на лежащего мальчишку.

– Что ты тут делаешь? – просипел Эдди, потому что горло вдруг свело. И дышать стало сложно. Воздух вдруг исчез.

И надо бы до окна добраться.

Проклятье, если он не доберется до окна, то просто-напросто сдохнет. А окно где-то там... Комнаты, которые ему отвели, слишком большие.

Слишком...

Он споткнулся и едва не упал.

Точнее, упал – на втором шаге. От тычка под лопатку. И, ударившись всем телом о пол, вновь смог дышать. Пусть со свистом, пусть тяжело, но все-таки смог.

И тотчас зашелся в хриплом кашле. Казалось, еще немного, и его вывернет наизнанку, но острый палец мальчишки-сиу ткнул куда-то под ребра. Эдди захлебнулся.

Воздухом.

Чтоб тебя... встанет – точно кому-то уши оборвет.

Он и встал бы, но левая половина тела вдруг онемела. И следом пришел страх. Мозговой удар? Такое случается, но Эдди ведь не старик!

– Леж-ш-ши, – прошипел сиу. И исчез.

Поганец.

Надо... надо встать. Позвать кого-то. Левая рука вообще не чувствуется, но правая двигается ведь. А в глотке клокочет, но заговорить сил нет.

После удара-то.

Эдди попытался опереться на руку. И почти получилось. Кажется, носом хлынула кровь. На это наплевать, но в спину опять ткнули.

И от этого слабого тычка он зарылся носом в пушистый ковер.

– И шаман ты дерьмовый, – сказал мальчишка-сиу. – И не слушать. Мой старый хозяин не любить, когда его не слушать.

Теперь онемела и правая сторона. И от этого Эдди испытал облегчение. Если так, то выходит, дело не в ударе. Просто... нельзя поворачиваться спиной к сиу.

Мальчишка с кряхтением попытался повернуть Эдди на бок. Получилось не сразу. Затем подсунул ему под голову пару подушек.

– Пройдет, – сказал. В темноте его лицо выглядело более жутким, чем обычно. И зубы поблескивали, белые, нарядные. – Потом. Сейчас пить.

Он прижал к губам Эдди кружку.

Что в ней?

Точнее, что помимо воды? Глотать было больно.

– Не упрямиться. Пить. Если не пить, плохо. Тут и так мало. Для хозяина много делать.

– И... – Эдди почувствовал, что невидимая рука, сжимавшая горло, ослабла. – Часто ты... хозяина выпайвал?

Говорить получалось с трудом. И слова выходили какими-то непонятными.

– Было. Он... приказать. Если нет, то наказывать.

– Придурок. – Эдди прикрыл глаза. Что бы там мальчишка ни принес, стало полегче. Еще, кажется, ноги покалывает. Значит, возвращается чувствительность. – Спасибо.

– Если дрянной шаман сдохнуть, то леди быть грустной. – Сиу отставил опустевшую кружку. А потом его ладони, детские, но крепкие, сдавили голову Эдди так, что и не повернуть.

Еще немного, и череп треснет.

– Дрянь, – сказал сиу, склоняясь над Эдди. И коснулся его лица острым носом. От мальчишки пахло лавандовым мылом и, кажется, туалетной водой. А еще – травами, горами, песками мертвой пустыни и всем тем, чему в этом цивилизованном мире не место. – Где вляпаться?

– Сам хотел бы понять. Что со мной?

От ладоней исходил холод, и что-то внутри Эдди потянулось навстречу этому холоду. Медленно. Мучительно. Выламывая извилины. И...

Ладонь зажала рот.

– Не ори. Всех разбудить. Суета будет.

Как ни странно, но это помогло.

– Что за... дрянь...

– Смерть. Много. Жила. Там. Я не шаман. И мало знать. – Он сидел, скрестив ноги, и уже не держал голову Эдди, но сложенные щепотью пальцы упирались в переносицу. – Иногда видеть сон. Разный.

– О чем?

Пожатие плечами.

И тряпка, в которой Эдди узнал собственную рубашку, кажется даже из новых. А этот гаденыш прижал ее к лицу. Жаль. Кровь хреново отстирывается. Эдди ли не знать.

– Всякое.

Эдди сумел пошевелить руками.

И ногами.

И даже тряпку у лица удержал. Все лучше, чем ничего. И наконец сел – с помощью мальчишки.

– Что ты вообще тут делаешь?

Матушка ему комнату отвела, Эдди точно знает. Сиу склонил голову набок.

– Слышать. Ты уходить. Я подумать, что опять мертвецы. Идти. Ждать. Помочь. – Последнее он произнес с явным недоумением. – Я не друг.

– И не надо. – Эдди шмыгнул носом и поднялся. С трудом. Его шатало. Проклятье, этак он точно не доберется до Орвудов. А ехать надо.

Самому.

Он ведь не один там был. Он ведь...

– Ты беспокойный. – Мальчишка не пошевелился. С растрепанными волосами, в белой рубашке, украшенной россыпью алых пятен, он не походил на тех детей смерти, с которыми Эдди сталкивался.

Обычный мальчишка.

Уши вот только острые.

И взгляд недетский.

– Надо ехать... проверить. Там... меня позвали. Эванора.

– Эва. – Мальчишка поднялся одним быстрым движением. – Я ехать.

– Ты-то куда?

– Туда. За ты приглядеть. А то ведь глупый шаман.

– Да ладно... не такой уж я и глупый, – проворчал Эдди.

– Умный шаман не полезть туда, где смерть.

Возразить было нечего.

Я опять видела небо. Синее яркое небо, такое высокое, бескрайнее. Оно манило. Звало полетать. И я откликнулась. Кто в здравом уме откажется полетать?

Крылья, правда, болели. И воздух такой, что не опереться. А внизу море. Тоже синее, но куда более плотное, чем небо. Еще и злое. Оно кипело, выбрасывая длинные языки волн в тщетных попытках дотянуться.

Я летела.

Надо держаться. Во что бы то ни стало. Там, в кипящей воде, остались братья.

Сестры.

Другие.

Снова чужая память? На сей раз далекая, не образами, скорее эхом разума, что застрял меж мирами, слишком упрямый, чтобы уйти.

И я просто летела. К берегу, что виднелся темной полосой, такой обманчиво близкой. Взмах. И еще один. И снова. Крылья выворачиваются ветром. И я рыдаю. От боли.

Слабости.

От того, что кипящее море ближе, чем берег. И ветер... раньше он держал меня. И был другом. А теперь норовит сбросить, ударить в бок, сломать, смести с небес.

Я ведь...

Взмах. И желание полета сменяется страхом.

Спокойно, Милисента. Это ведь не твой страх. Это тот... того... кого?

Не знаю.

Но я тянусь к нему. Я готова помочь. У меня ведь тоже есть крылья. Во сне. Или в забвении? Я... главное, что тянусь. И у нас получается. Море вдруг падает вниз, а ветер снова становится покорен. Он наполняет собой кожистые паруса крыльев, и кости гудят от боли. Но мы держимся.

Берег.

Он близок.

Он еще ближе, чем кажется. И там, на нем, я вижу... кого-то? Неважно. Я все-таки падаю. Силы покидают меня стремительно. И море со смехом убирает волны, оставляя покрытый каменными зубьями песок. Они остры. Они хрустят, ломаясь под моей тяжестью, но в то же время пробивают толстую драконью шкуру. И я кричу от боли. А потом захлебываюсь криком, соленой водой, которая накрывает свер-

ху. Море знает толк в ловушках.

И... и вода смешивается с кровью.

Больно.

Но я жива.

Жив.

Пусть крыло и тянется бессильно, вывернутое, сломанное, с изодранной о рифы перепонкой. Но я-то... мы. Мы бредем по песку, пробиваясь к той части берега, куда море не достает. И когда переступаем его, то... еще шаг.

И на песок падает человек.

Правда, кровь, вытекающая из ран его, чернее дегтя. Но разве это важно?

Главное, что мы все еще живы.

Последнее, что я увидела, – тени, что устремились к лежащему. И это вовсе не люди.

– Милли? – Этот голос окончательно вырвал меня из сна. – Милисента!

Я открыла глаза и увидела мужа, а еще десяток ярко-белых шаров, что парили под потолком, подсвечивая яркую паутину защиты.

– П-просто... сон. – Я выдохнула.

Шары покачивались. А я чувствовала ниточки, которые тянулись к ним. Шары на ниточках... твою ж...

– Защита с-сработала?

– Сработала. – Чарльз лежал рядом и пялился в потолок. –

Я сказал маме, что ты... переживаешь.

– Ага. А она?

– Сказала, что придет горячего молока.

– И булочку. Две. Нет, лучше три.

– Ты все еще...

– Угу. – Я вытянула руку и дернула за веревочку, и ближайший шар плавно опустился в мою ладонь, чтобы уйти в кожу. Та на мгновение стала прозрачной, точнее будто стеклянной, и сквозь это стекло виднелись полупрозрачные, словно из льда сотворенные, нити мышц, тонкие трубки сосудов и даже кровь, бегущая по ним.

А потом все погасло.

И я потянула второй шар, заставляя его раствориться в моей Силе.

Меняхватило на четыре штуки.

– Пусть повисят, – решила я, пытаюсь подавить зевок. – А я в самом деле видела сон. Как раньше.

– Опять тех?

– Нет. Другого. Но, знаешь... берег знакомый. Такое чувство, что там умер дракон. – Я подумала и добавила: – Или нет. До конца я не досмотрела.

Молоко с медом принесли.

И булочки тоже.

И холодную оленину, а к ней – два вида сыра. Наверное, оно тут не принято, устраивать застолье посреди ночи, но, поев, я справилась еще с двумя шарами.

– Вот так. – Я сыто икнула, чувствуя, как меня окутывает знакомая полудрема. – Надо поскорее с университетом решать. А то ведь сны – они такие. Не успокойшься, пока... в общем, университет мне не так жалко. А к дому я привыкать начинаю.

Кстати, шары светили мягко.

И спать не мешали.

Во всяком случае, мне.

Глава 12,

*в которой ведьма осознает,
что она действительно ведьма*

Эванора поняла, что случится, за мгновение до того, как нить, связывающая два мира, лопнула. Этого мгновения хватило, чтобы вцепиться в руку сестры.

И та успела повернуться, чтобы сказать что-то... а потом стало больно.

Очень больно.

Даже тогда, когда она пришла в себя после путешествия в запертом ящике, так больно не было. А тут... Кожа горела.

И казалось, еще немного, и Эва сама увидит этот огонь. И сгорит в нем. Вся. Без остатка. Она закричала. Громко-гром-

ко. Но из горла вырвался только сдавленный сип.

А воздух закончился.

Вдруг.

Он оставался вокруг, но такой... такой тягучий. Эва хватала его губами и не могла ухватить. Она попыталась подтянуться, только ноги не слушались.

И руки.

И...

– Лежи смирно! – рявкнул кто-то сверху, а потом взял и упал на Эву, вышибая из груди застрявший воздух. И тогда она смогла дышать.

Снова.

Неужели...

Она будет жить? Она... она заплакала. И со слезами из нее выходило что-то чужое, на редкость омерзительное, гадкое даже. А то существо, которое прижимало Эву к полу, склонилось и начало слизывать слезы, урча от удовольствия.

И длилось это, наверное, вечность, но потом слезы иссякли.

А существо...

– Тори... – Эва всхлипнула еще раз. – Что ты...

– И-извини. Кажется... – Тори встрепенулась и сползла, чтобы встать на корточки. – Извини, я не знаю, что на меня нашло! На самом деле там что-то... мы не досмотрели!

– Его убили, чего там еще смотреть. – Эва с кряхтением повернулась на бок. Странно, что их до сих пор не хватились.

Или просто времени прошло не так много. Там, на другой стороне, время идет иначе. Эва знает.

Встать получилось только на четвереньки.

Нет, так они далеко не выберутся. Разве что если быстрее переставлять руки. Раз, два, три... На четвертом счете колена наступило на рубашку, и та затрещала.

– П-погоди. – Тори поднялась по стене и протянула руку. – Ты... аккуратно давай. А то у меня в голове... знаешь, я как-то украла маменькину настойку. Вишневую. От нервов. Тогда так же гудело. И главное, все вокруг таким чудесным сделалось. Еще танцевать очень хотелось. Но я девушка благородная. Пошла ловить жаб.

– Зачем тебе жабы?

– Тебе в кровать подкинуть собиралась.

– Тори!

– А что? Скучно было. Только сейчас тут жаб ловить негде, а значит, ты в безопасности.

Тут Эва готова была поспорить. Но руку сестры приняла – выбирать не приходилось, на четвереньках она себе точно нос расшибет – и поднялась.

– А еще нам надо посмотреть. На него.

– Зачем?

Смотреть на постороннего типа, который обнаружился в подземелье, Эве совершенно не хотелось. И еще надо подняться.

Разбудить отца.

Брата.

Рассказать про тот дом. И про Эдди.

Эдди!

– Что опять? – Тори стояла, упираясь обеими руками в стену.

– Эдди...

– Ничего ему не будет, – отмахнулась она.

– А вдруг...

– Ты же живая. Вот и он тоже.

– Я живая, потому что повезло, а не потому что я умная и ловкая, – возразила Эва и попыталась сделать шагок.

Правда, совсем крохотный.

На полстопы.

И второй.

А... а Тори добралась до постели и не нашла ничего лучшего, чем сесть на нее. Хотя раненого чуть подвинула.

– Помоги мне. Или так и будешь стоять?

– Я иду, – мрачно сказала Эва. – А ты что делаешь?

– Не видишь? Пытаюсь его раздеть.

– Зачем? – Краска хлынула к лицу, потому что... потому что приличные девицы не раздевают малознакомых мужчин, и даже хорошо знакомых тоже не раздевают. Особенно если те пребывают в бессознательном состоянии.

Вдруг он против?

И скорее всего, действительно против.

– Затем. Помоги. Или так и будешь взглядом буравить?

Между прочим, чем раньше мы вернемся, тем меньше шансов, что нас хватятся.

– Мы... должны рассказать!

Эва сделала шаг и упала бы, кабы не постель.

Что ж, если на ней Тори сидит, то и ей можно. Постель большая, а раненому, кажется, все равно, сколько девиц к нему присело. И...

Тори склонилась над ним и втянула носом воздух. Нет, вот это совершенно точно за гранью приличий! Очень. Очень далеко за гранью! Обнюхивать, полураздетого... а если она надругаться захочет? Что Эве делать?

В книгах над бессознательной героиней обычно пытались надругаться злодеи. Коварные. А тут и не героиня, и на коварную злодейку Тори не похожа.

– От него пахнет как от тебя. – Голос Тори сделался низким и урчащим. – И как от того... Проклятье, не представляла даже, что от человека может настолько вкусно пахнуть!

– Тори!

Глаза ее блеснули... алым?

Тьмой?

В романе точно бы написали про зловещие отсветы пламени, но Эва слишком устала. А дурацкая фраза сама собой в голове появилась. Может, самой роман написать?

– Я... чувствую это. – Рука сестры легла на грудь мужчины и вдавила ее в постель. – Эва, я... это... я смогу... я вижу!

– Я вижу, что тебе точно не следовало сюда приходить.

– А ты видишь?

– Что?

Эва вздохнула и с жалостью поглядела на лежащего. Мало того, что ранен, так еще и Тори со своими выходками. Но может, если он без сознания, то ему не очень больно? Эва на это надеялась.

– Вот...

Она не будет смотреть на обнаженную мужскую грудь! Она же в обморок должна грохнуться! От стыдливости. Но похоже, что со стыдливостью у Эвы явный недостаток.

– След, здесь... – А у Тори уж точно ни стыдливости, ни сомнений. Ее палец скользнул по коже. – И из него сочится.

– Нет тут никакого следа!

Эва нахмурилась и... решила потрогать. Кожа была теплой и немного влажной. Боги, если кто узнает, то остатки ее репутации... в общем, ее даже в старые девы не примут.

– Есть! – упрямо повторила Тори.

– Но я не вижу!

– Это и интересно, но... вот это темное... – Она осторожно подняла пальцы, зачарованно глядя на них. – Оно мое. Я его заберу.

– Тори...

– Не мешай. – Сстра дернула головой и оскалилась. – Слышишь?

– Слышу. – Эва поднялась с кровати. К счастью, боль прошла, а слабость пусть и осталась, но не такая, чтобы вовсе

невозможно было пошевелиться. – Ты только не убей его, ладно?

Надо уходить.

Позвать отца. Или лучше Берта. Берт поймет, в чем дело. И что не так с Тори. А с ней определено что-то не так.

Она склонилась над лежащим. И ее растопыренные пальцы застыли над его грудью. Почудилось, что воздух под ними сгустился, а в нем прорезались тончайшие нити.

Нити.

Нет, показалось.

А вот лицо Тори вдруг стало чужим. Хищным. Оно пугало. И Эва, закусив губу, решительно подобрала подол своей рубашки.

Она выберется из подвала.

И...

С Бертом она столкнулась на лестнице. А еще с отцом, который поглядел так, что захотелось под землю провалиться. Хотя они и без того под землей. Интересно, есть ли что-то ниже подземелий?

А если есть, то...

– Я... – Она поняла, что голос звучит сипло. – Папа, мы не специально. Просто... Тори надо было.

Отец тяжело вздохнул.

А Берт поинтересовался:

– Зачем?

– Не знаю. Но мы видели! Все видели! Тот дом. И людей.

Там был один, который... Тори сказала, что от него пахнет хорошо, но как по мне, так воняло просто невыносимо! И дом со мной согласился. Ему этот человек не нравился категорически. Но... – Она запнулась. – А еще он сделал девушку неживой! Ту, которая пришла с тем мужчиной, которого Тори...

Она замолчала.

– Ясно. – Берг тоже вздохнул. – Что ничего не ясно. Но потом расскажешь подробнее.

Эва с облегчением кивнула.

И подумала, что теперь ее точно запрут. И скорее всего, не в университете.

– Так что там с Тори? – уточнил Берг и подал ей свой халат, оставшись в длинной ночной рубашке.

Эва поняла, что замерзла, оказывается. И даже не замечала, насколько сильно. Халат был большим и теплым.

– Она...там... Она говорит, что у него рана и из нее кровь сочится. Но раны нет! Я сама... – Эва вовремя осеклась. Не стоит им знать, что она не только смотрела, но и трогала... это. – А Тори руку подняла. И растопырила. И под ней воздух... ну совсем жуть!

Тори не сидела.

Тори лежала. Одной рукой обнимая раненого, вторую сунув под щеку. И спала. Причем так сладко, что Эва даже позавидовала. На мгновенье. А потом испугалась.

И не только она.

Эва почувствовала, как напряглась рука брата, который поддерживал ее. И дыхание отца сбилось.

И...

– Тори, – тихонько позвала она. И ресницы сестры дрогнули. Губы растянулись в улыбке, слегка безумной, а потом Тори открыла глаза.

Черные-черные.

Как сама тьма. И вновь Эва в обморок не упала. Лишь подумала, что в романе описать эту бесконечную угольную черноту будет безумно сложно.

Или как там обычно пишут?

«Адская бездна».

Но вот Тори моргнула. И глаза ее стали прежними. Почти. Разве что темными слишком. И выразительными. И... опять Эва не о том.

– Я... – Тори всегда умела притворяться. И теперь сыграла растерянность вкупе с беспомощностью. – Где я?

– Знаешь, – отец снял халат и протянул ей, – вот только врать не надо, дорогая.

А потом снова вздохнул, тяжелее прежнего:

– Кажется, в нашей семье все-таки объявилась ведьма.

И перевел взгляд на Эву, будто это она виновата.

– Матери только не говори, – сказал тяжко. – Пожалуйста.

Дверь Эдди открыл почему-то Бертрам Орвуд.

– Живой, – выдохнул он с немалым облегчением.

– А...

– Тоже жива. Живы. Обе.

Наверное, можно было откланяться и уйти, но Орвуд махнул головой внутрь. И Эдди решил, что это вполне можно счесть приглашением.

Мальчишка-сиу тенью проскользнул следом.

На улице светало, но в гостиной горели газовые рожки, и потому казалось, что за окнами еще темно. Сквозь эту темноту прорисовывались тени ветвей.

Ветви шевелились от ветра и скреблись о стекло.

– Доброго... – Эдди замешкался. Утра? Ночи? И доброго ли. – Доброго времени суток. Если мое присутствие неуместно, то...

– Скорее наоборот. – Старший из Орвудов указал на кресло. – Ситуация весьма неоднозначная. А вы показали себя как человек, мнению которого можно доверять. Что вы знаете о ведьмах?

– Темных? – уточнил Эдди.

– А бывают светлые? – встряла сестрица Эваноры.

Взбудораженная.

Растрепанная.

В мятом домашнем платье, поверх которого наброшена шаль. Бледные руки мнут края этой шали.

Бледные пальцы с синеватыми ногтями.

Бледное лицо.

И черные глаза.

– В мире много чего бывает, но обычно светлых называют иначе.

– Как же? – Она вздернула подбородок.

– Виктория, – поморщился Орвуд-старший. – Будь добра, веди себя прилично.

– А разве ведьмы ведут себя прилично?

– Не знаю про ведьм, но ты моя дочь. Поэтому окажи любезность, – произнес он с нажимом.

Эванора, в отличие от сестры, почти потерялась в кресле. Она сидела очень прямо и очень тихо. Только, пожалуй, теперь и слепой не спутал бы ее и сестру.

– По-разному, – примиряюще сказал Эдди. – Целительницами. Прорицательницами.

– Магичками?

– Это не совсем то... это Дар. Милисента одаренная, но не ведьма.

– Почему так?

– И ведьмы, и маги берут Силу мира, но маги каким-то образом претворяют ее в магию. В огненные шары, к примеру. – Больше ничего в голову не приходило. – А вот ведьмы эту Силу в мир возвращают, получая за то возможность его менять.

– А разве огненные шары его не меняют?

– Меняют, – признал Эдди. – Но не так. Тут дело вот в чем.

Он постучал себя по голове и затем – по груди.

– Не только эти ваши ученые разбираются... знавал я одну старуху. Она жеребят заговаривала. Совсем махоньких. Омывала ключевой водой. Шептала чегой-то, отчего из тех жеребят такие кони росли, загляденье. Но вот Дара в ней ни на грош. Ведьмы чувят мир. И Силу в нем. Аккурат как кошки – кошачью траву. Где Силы больше, там они больше могут, а где меньше – там меньше. А уж насколько больше или меньше, то от мира зависит. Но Силу в себе они не удержат. Маги же, наоборот, больше нужного не возьмут, но и отдать не сумеют.

– Это несколько ненаучно, – заметил Бертрам, разливая по стаканам темный настой.

– Я дикарь, – отмахнулся Эдди. – Какая уж тут наука. Чего слышал, того и говорю. Маг если вычерпается до дна, то и там, где Силы мало, восстановиться сумеет. Тяжко, медленно, но сумеет. А вот ведьма – если Силы нету, то и она, почитай, не ведьма.

– И что теперь? – поинтересовалась Виктория, не скрывая раздражения. – Что со мной будет?

– Наука отрицает существование ведьм. – Орвуд-старший поднял стакан. – Но...

– Что-то я начинаю разочаровываться в этой науке. – Бертрам понюхал зелье. – Ваше здоровье! Пока моего на вас хватает.

Настой оказался горьким. И терпким. Травяным.

– Могли бы и нам предложить, – проворчала Виктория.

– Обойдешься. – Бертрам осушил бокал одним глотком.

– Ведьма, – подал голос мальчишка-сиу, доселе державшийся так, что Эдди почти и забыл о его существовании. – Смерть. Тянуть. Ведьма быть там.

Он махнул рукой куда-то в сторону.

– Ведьма забрать из того... – Он добавил несколько слов на низком вибрирующем языке. И все поглядели на Эдди.

А тот покачал головой: с сиу он общался не настолько тесно, чтобы выучить их язык.

– Душа вернуть. Можно. – Мальчишка вперился взглядом. – Если все забрать.

– Погоди, ты имеешь в виду, что она вытянула проклятье?

Кивок.

– И теперь можно попробовать призвать душу? – уточнил Орвуд-старший.

Еще один.

И палец сиу указывает на Эванору.

– Два шамана сумеет точно. Даже если один – дурак.

Все-таки надо ему уши оборвать. Определенно.

Глава 13,

где леди получает предложение о дружбе и помощи

Утром я смогла развеять шары, которые за пару часов несколько не поблекли, а стали даже будто бы ярче. К счастью, остаток ночи прошел спокойно. Снов я не видела, летать не тянуло, жрать, что характерно, тоже. То есть аппетит был, но... будто не такой, как раньше.

Или это я просто надеюсь.

– Я скоро вернусь. – Чарльз выглядел несколько смущенным. – Надо самому взглянуть. Что там. В университете. И вообще...

– Иди. – Я поглядела на пирожок, раздумывая, влезет он в меня или все-таки нет.

И пришла к выводу, что нет.

Пока.

А потом посмотрим.

Как ни странно, настроение было на редкость... умиротворенным? Хотя, казалось бы, с чего... не с чего. А оно все одно.

За окном солнце.

Птички поют.

Не жарко, но воняет городом – впрочем, и запах этот не раздражает. Тем паче в саду он разбавляется медовыми цветочными ароматами.

Розы цветут.

Еще что-то.

Дерево какое-то растопырило ветви, раскинуло полог зеленой листвы. Свет проникал сквозь нее, и сквозь кружево беседки тоже.

И я чувствовала себя...

Хорошо. Пожалуй, впервые за долгое время по-настоящему хорошо и спокойно. А потому появление девицы, это спокойствие нарушившей, меня не обрадовало.

– Мисс Грейсон. – Девицу сопровождало свекровище, которое тоже не выглядело радостным, и полагаю, вовсе не потому, что леди не должны разваливаться в креслах-качалках.

Сама знаю.

– Мисс Грейсон изъявила желание познакомиться с вами лично. – Лицо свекровищи отражало все ее сомнения. И я со вздохом села. Так, как подобает леди.

– Грета, – прощепетала эта самая мисс, а ведь, помнится, заявляться в чужой дом без приглашения невежливо. – Зовите меня просто Грета...

Вот чую, простоты в ней столько же, сколько во мне трепетности чувств.

– Я велю подать чай. – Свекровище подобрало юбки и удалилось неспешною походкой. Вот готова поклясться, что ее

снедает любопытство.

Меня, к слову, тоже.

Что за мисс такая...

Миленькая. Личико круглое и белое, с румянцем розовым, с блестящими глазками. Губы бантиком. На шляпке тоже бантики.

И на рукавах бархатного жакета.

– Извините. – Голосок у нее тоже нежный до одури. Вот чувствую, бесит. А так хорошо сиделось, дремалось... – Я понимаю, что это до крайности неприлично, являться в чужой дом и без приглашения. И мне, право слово, неловко. Стыдно даже.

– Непохоже, – буркнула я сугубо из вредности.

Вот чего ей надо-то?

Она опустилась на край плетеного стула. И слегка покраснела.

– Еще раз... извините.

Тут нашу беседу прервали чаем. В смысле подали его. И не только его. Стол сервировали в мгновение ока, даже вазочку с цветами притащили.

А вот свекровище не пришла.

Чаю нам налили.

И удалились. Правда, чувствую, что недалече. Но и пусть. Девушка миленькая, сахарная вся, а потому оставаться с нею наедине как-то... небезопасно.

Я прислушалась к себе и кивнула. Чутье никогда еще не

подводило. И теперь оно подсказывало, что ничего хорошего от этой Греты ждать не стоит.

Та взяла чашку и с сосредоточенным видом принялась размешивать чай. Главное, сахар-то не положила, а мешает... мешает.

И на меня смотрит.

Прямо-таки буравит взглядом.

– Вы некрасивы, – брякнула она наконец, когда мешать притомилась.

И молчать.

Это я так могу часами. Даже, честно, призадуматься успела – нам бы там, в пустыне, такой вот сад, чтобы деревья, и цветы, и...

– На самом деле меня просила заглянуть к вам в гости моя тетушка.

И вновь пауза.

– И? – Я свой чай отхлебнула. Громко, с причмокиванием. Матушку это всегда очень злит, вот и у Греты глаз слегка дернулся.

– Моя тетушка – герцогиня!

– Сочувствую.

– Вы... издеваетесь? – осторожно поинтересовалась Грета.

– Да нет. Я искренне. Это она вас так... облагородила?

На щеках девицы вспыхнул румянец.

– Просто вы вся такая... – Я махнула рукой.

– Какая?

– Сахарная. Аж зубы сводит. У нас был один... доктор. В соседнем городке. Не сказать чтобы настоящий, так, коновал еще тот, только кровопускание и умел делать. Еще пиявками лечил. Но вот говорил, что избыток сладкого – очень вреден.

Красные пятна проступили на лбу гостьи:

– Ее... попросили составить вам протекцию. В высшем свете. – Чашку со взболтанным чаем Грета вернула на столик. – Сделать так, чтобы вас приняли, но... но это просто невероятно!

– Что именно? – Я склонила голову на бок.

– Вы... вы некрасивы!

– Знаю. Уже говорили.

– И что?

– Ничего.

– Вас это не расстраивает?

– Думаете, если я расстроюсь, то стану красивее? – Кстати, и вправду интересно.

– Вряд ли.

– Тогда какой смысл?

– Действительно. – Грета задумалась, хотя и ненадолго. –

И манеры у вас ужасные.

– Стараюсь.

– Вы... вот что мне ей сказать, а?

– Правду.

– Она надеялась, что мы подружимся.

– Это она зря, конечно.

Грета кивнула, соглашаясь. А потом опять потянулась к чашке. Чай остыл и окончательно превратился в крашеную водицу. Неужели пить будет? Или воспитанная барышня сидеть с пустыми руками не должна?

– Хорошо, что и вы это понимаете, – сказала Грета. – Но мне сложно будет ей возразить. Тетушка весьма влиятельна. И от нее зависит моя судьба.

– Неужели?

– Моя семья не так богата. Приданого у меня нет. Титул... моя маменька, в отличие от тети, не составила столь блистательной партии. Поэтому ни титула, ни денег. – Это было сказано задумчиво. – Но у меня есть внешность, воспитание и тетушкина поддержка.

– Которую легко утратить?

– О да... У тетушки же помимо меня еще семеро племянниц. Две – мои сестры, остальные... – Она махнула рукой. – Они, несомненно, не столь хороши, но... моя помолвка вот-вот состоится. Должна состояться.

– Очень за вас рада.

– Но может и не состояться.

– Слушай, от меня-то что тебе надо?

– Подружиться.

– То есть ты считаешь меня некрасивой, напрочь лишенной манер и этого вот всего... – Я потрясла рукой. – Но при этом предлагаешь подружиться?

– Скорее уж заключить союз, – поморщившись, призналась Грета. – Обоюдовыгодный. В высшем свете тебе не будут рады. Даже несмотря на твое родство с...

– С императором? Да говори уже прямо.

– Именно. – Чашка опять вернулась на столик, а руки в перчатках легли на юбки. – Ты слишком... иная. К тому же уже пошли слухи. Самые разные. Безумные порой. Совершенно. Ты не представляешь, до чего способны додуматься люди, если им дать повод. Впрочем, если не давать, будет лишь хуже.

Она притворно вздохнула.

– Да и поводы, как и слухи, могут быть совершенно разными. Еще и этот твой... он на самом деле тебе брат?

– Да.

– Но он не человек.

– Нет.

– Тогда выходит...

– Да. – Я кивнула. – Я тоже не человек. Просто оно не так заметно.

– Заметно, – уверила Грета. – Хотя да... будь ты более на него похожа, было бы куда печальней. И ты замужем... это многих расстроило.

– Погоди. – Вот тут я окончательно поняла, что ничего не понимаю. – Я страшная. Без манер. Не человек. И в высшем свете меня не примут. Но мое замужество все равно... расстраивает?

– Ты племянница императора. И судя по всему, он весьма к тебе благоволит. И к твоей матушке, что тоже непонятно, если она и вправду... Безумный скандал. Ну да ладно. Главное, брак с тобой открывает перспективы. Да, на внимание герцогов тебе рассчитывать не стоит, но вот графы...

– У меня уже один имеется.

– Это да. И Диксоны – очень даже неплохая партия. Впрочем, обсуждать тебя это не мешает. И сплетничать будут. О тебе, о нем... обо всем. У тебя нервы крепкие?

– Пока не жаловалась.

– Вот. – В тонких пальчиках появился прямоугольник. – Есть один весьма хороший доктор. Он составляет капли. Успокоительные. Очень и очень действенные.

Грета непроизвольно облизала губу. И глаза ее подернулись поволокой. Потому я карточку и взяла. Чарли передам. Пусть там глянет, что за чудо-доктор такой с каплями.

– Я вот. – На столе появился флакон из темного стекла. – Взяла на себя труд – принимать по пятнадцать капель перед завтраком. По тридцать – перед сном. Или... если твой супруг решит тебя навестить.

– В смысле?

Она откровенно скривилась:

– Если решит требовать исполнения супружеского долга. Это... поможет пережить.

Надо же.

Пузырек стал еще более подозрителен.

– Я... мой жених как-то позволил себе немного лишнего. – Ее откровенно передернуло. – И не представляю, как мы с ним... и все это... когда он станет мужем. И будет меня навещать. Тетушка рассказывала кое-что о... процессе. Я очень тебе сочувствую.

– Да ладно. – Я вперилась в пузырек взглядом. – На самом деле все не так страшно. И совсем не страшно. Даже приятно.

Я осеклась, глянув, как побелела девица. Она даже встала. А в глазах отразился такой ужас, что стало прямо-таки неловко.

– Никому, – сиплым шепотом произнесла она. – Никому не признавайся, что тебе нравится... это!

Она запинаясь, явно недоумевающая и не желая поверить в мои слова.

– Только падшие женщины могут... вести себя так!

– Ясно. – Что-то стремления союзничать, которого и прежде не было, еще больше поубавилось. – Может, тебе уже пора? Дом там, портниха. Или куда еще ездят?

– Думаешь, у меня так много денег, чтобы позволить себе портниху? Сама шью. – Она чуть поморщилась. – Тетушка предпочитает обходиться малым. Тем более нас у нее много. Давай ты сделаешь вид, что мы... нашли общий язык? Я помогу тебе. Помогу подобрать одежду. Подскажу и... а ты будешь улыбаться. Просто улыбаться. Это же несложно? И постарайся не хамить людям.

– Я и не хамлю.

– Да неужели?

– Я просто говорю то, что думаю, – уточнила я, решив, что пузырек трогать не стану. Пусть себе стоит.

– Это не самое полезное качество для леди. – Грета выдохнула. – Мне нужно, чтобы Эргенсон сделал мне предложение. Я рассчитываю получить его в ближайшее время. Но он не рискнет его сделать, точнее, его родители не разрешат, если вдруг подумают, что я впала у тетушки в немилость...

– Знаешь, – мне вдруг стало жаль эту милую сахарную девочку, – как-то это, может, и неправильно, не по-вашему, но... вот на кой хрен тебе муж, который даже жениться без разрешения родителей не способен? А те только и смотрят на твою тетку. Допустим, сделает он тебе предложение. А дальше? До свадьбы только дружить? И после?

Она поджала губы:

– Что будет после, уже не важно.

– Неужели? А не боишься, что как только ты перестанешь быть любимой племянницей герцогини, то и страсть твоего муженька поутихнет? И станешь ты ему не более нужна, чем... чем не знаю что. – Я выдохнула. Вот и какого лешего меня вообще потянуло на душеспасительные беседы? Оно же толку никакого.

– И что предлагаешь? Ждать великой любви? – Грета поднялась. – И надеяться, что только любви хватит? Не хватит. Одной любви никогда не хватает, что бы в дурацких книжон-

ках ни писали. Любовью не оденешься. И не согреешь дом. Ею не заглушишь чувство голода. Не заплатишь целителю, который придет, чтобы вылечить твоих детей. Или не придет. Они ведь не работают бесплатно. Любовь – это сказка, а жизнь сложнее. Но я тебя поняла.

– Это вряд ли.

– Я передам тетушке, что ты слишком чудовищна, чтобы из этого что-то получилось. Кстати, знакомство с девицами Орвуд тебе тоже не на пользу.

– С чего бы?

Грета изящно пожала плечами:

– Некроманты. Проклятый дар. Плюс ко всему, их репутация сомнительна. Ты, наверное, не слышала, но одна из них даже из дому сбежала. А перед этим отравила свою сестру. Из ревности.

– Ужас какой, – сказала я не совсем искренне. – В самом деле?

– Какая разница, что там в самом деле! Но от Орвудов стоит держаться подальше.

– И как? Будут? Ну, в смысле остальные? Держаться подальше?

– Несомненно.

– Хорошо.

– Что?

– Меньше народу, легче дышать. А то у вас там на этих приемах такие толпы, что, право слово, через час мутить на-

чинает. А тут, глядишь, и полегче будет. Если вместе. Вместе оно всегда легче.

– Ты слишком самоуверенна.

Я тоже поднялась. Надо выпроводить дорогую гостью, пока той не вздумалось задержаться.

– Я не самоуверенна, – сказала я, – просто знаю, что умею хорошо стрелять.

А еще у меня есть заветная шкатулка.

Может, на весь высший свет и не хватит, но ничего, попробуем избирательно. Матушка учила, что к людям нужно индивидуальный подход искать.

Глава 14,

в которой ведется беседа по душам и делается некий вывод

Свекровище не устояло.

Явилось, как только ушла мисс Грета, заодно чаю велело свежего подать.

– А здесь только чай и пьют? – уточнила я.

– Большой частью. Некоторые предпочитают кофе, но это скорее мужской напиток. Может, подать чего-то посущественней?

– Нет. – Я с удивлением поняла, что не голодна. – Кажется, оно идет на спад.

И если так, то, может, ну его, с университетом этим?

– Хорошо, если так. – Свекровь присела на то же кресло, на котором сидела Грета. – Эта девица весьма... как бы это выразиться...

– Зараза.

– Да, пожалуй. Еще та зараза.

– Кто она вообще? – Я приняла чашку и удивилась. Неужели тут чай нормальный заварили?

– Мне сказали, что ты предпочитаешь очень крепкий напиток, – пояснило свекровище. – А мисс Грета известна как правая рука герцогини Эстервуд.

– Это той, которая бал затеяла?

– По-хорошему нам стоило бы свой устроить. – Свекровь слегка поморщилась. – И в других обстоятельствах я бы настояла, но...

– Но? Не справлюсь?

– Мне дорог мой дом. – Она улыбнулась лишь кончиками губ. – А бал... бал требует многих сил. И изрядных нервов. Что это?

Она потянулась к флакону, который так и стоял на столике.

– Лучше не трогайте. Эта принесла. Капли. Успокоительные.

– Мне казалось, как раз с нервами у тебя все отлично.

– Вот и мне так казалось. Она их точно принимает, но как-то оно... не знаю. Что-то с ней не то. И с каплями этими. Пусть Чарли глянет.

– Разумно, – согласилась свекровь и набросила на флакон платочек. – Что до бала, то, боюсь, ты не в том состоянии, чтобы затевать его. Эти украшения, приглашения, меню...

У меня уже зубы заломило.

– Но даже не в том дело. Люди придут не дом смотреть, а...

– Меня?

– Именно.

– Некрасивую. Невоспитанную. Ужасную девицу с Запада?

– Боюсь, что многие посчитают именно так. – Она говорила осторожно. – Ты на нее совсем не похожа.

– На маму?

– Да.

– Знаю. – Я вздохнула. – Это ее всегда огорчало. А отец вообще сына хотел.

– Мужчины, – фыркнула свекровь, разглаживая складки на юбках. – На самом деле они сами не знают, чего хотят. Но... все здесь помнят Лиззи. Ту. Давнюю.

– Которую считали умершей?

– Да. И теперь... Давно таких скандалов не приключалось.

Понимаю. Даже в нашей дыре, случись чего подобное, говорили бы... Если уж тот случай, когда Кривой Дэнни, воз-

вращаясь из таверны, сверзился с лошади и ногу сломал, обсуждали чуть ли не всю зиму, то это и вовсе... Хотя, конечно, глянуть бы на физию шерифа с мэром, когда они узнают.

И на нашего соседа, чтоб ему икалось.

Променял матушку на ту мымру с землями. Ну да и хрен с ним. Здесь матушке всяко лучше.

– Думаете, меня довели бы? – Я заставила себя вернуться к разговору.

Свекровь кивнула:

– Они умеют. И вежливо так, с улыбкой. И вроде бы ничего плохого не говорят. А все одно чувствуется за словами... будто в душу плюют. В свое время один мой поступок вызвал серьезное неодобрение общества. У меня был жених. Пусть даже официальная помолвка еще не состоялась, шли переговоры, но...

– Вы выбрали другого?

Легкий наклон головы.

– И... как?

– По-разному. Любви не было. Скорее, я хотела сбежать из дома. Да и жених, выбранный отцом, внушал некоторые опасения. Две предыдущие его жены умерли.

– Как?

– Официально – после долгой болезни, но я слышала, как брат спорил с отцом. Он утверждал, что Норбет, мой... тот, кто должен был стать моим мужем, он просто довел этих женщин. Он закрывал их в поместье, где они и жили. А он

изредка наведывался.

– Хрень, – не выдержала я. – Извините.

– Соглашусь, пожалуй. Мое место заняла кузина. И да, через пять лет он снова овдовел.

Повезло.

Не кузине. Свекрови.

– Мой брат не всегда был таким, как сейчас. Отец не терпел возражений. И мой побег тогда ударил по всем. Не знаю, какие дела у семьи были с Норбетом, но... он был самолюбив.

– Был?

– Умер.

– Давно?

– Лет десять назад. От старости.

– Погодите...

– Ему было шестьдесят три, когда он сватался.

Да уж...

– И это нормально? Он же старик. И... вообще?

– В высшем обществе свои законы. Да и не только в нем.

Долг дочери – исполнить волю отца.

В задницу такого отца. Я-то думала, что мой – конченный придурок, а выходит, бывает и похуже. Нет, не зря его пристрелили.

– Как бы то ни было, но перспектива брака с Норбетом привела меня в ужас. И тогда брат предложил этот вариант...

– Вариант?

– Диксон любил меня. Он происходил из древнего рода, весьма славного, но небогатого, а потому отец отказал ему, когда он вздумал ухаживать. Я, честно говоря, не испытывала особых чувств... поначалу. Просто хотела спастись.

Ну да, старый пердун с сомнительным прошлым или молодой влюбленный офицер.

Сложно выбрать.

– Брат помог. Выбраться из поместья. Найти храм. Обвенчаться. Нас бы не обвенчали без него. Нужно согласие родителей, а он сказал, что разрешает, что по некоторым обстоятельствам венчание должно состояться срочно. И заплатил. Хорошо.

Надо же, а по тому дядечке и не скажешь, что он способен на поступок.

– Отец, когда узнал, избил его. Да так, что он долго болел. А после ему пришлось оставить службу. Что-то там со спиной.

М-да.

Узнаешь тут.

– Я же вдруг оказалась не готова к тому, что обо мне забыли. Разом. Подруги, которые прежде заглядывали в гости, больше не писали. И на мои письма не отвечали. И вообще, дали понять, что я теперь – нежеланная персона. Дом моего мужа оказался беден. Да что там... отец пусть и был весьма жесток, но никогда не ограничивал меня в тратах. А тут... Я старалась. Я все понимала, но просто не умела вести хо-

зьяйство. Смешно. Я выбирала столовый фарфор подешевле, когда нужно было купить дрова или свечи.

Свекровь поглядела на меня искоса.

А я кивнула.

– Ну да. Мы тоже не особо хорошо жили... Дрова – это всегда проблема.

Что еще сказать-то? Вот как-то не увязывается у меня изящная леди Диксон с проблемой закупки дров на зиму.

– Я ведь думала, что и вправду экономлю...

– А ваш муж?

– Он служил. Он всегда оставался верен короне. И он все-таки мужчина. Мужчина, который с юных лет привык себя ограничивать. В корпусе довольно жесткое воспитание. В университете не лучше.

Вот-вот. И нечего мне там делать.

Совершенно нечего.

– Мы начали ссориться. Не знаю, чем бы это закончилось, если бы... У меня нет доказательств, что это его рук дело, но брат всегда был дружен с его величеством... точнее, тогда еще его высочеством. Настолько, что тот лично его навещил в... в болезни. И прислал целителей. Несмотря на то, что отец явно не обрадовался. Но спорить с его высочеством? Брата перевезли в госпиталь. Военный. Под опекой короны. Неважно, главное, что тогда он и пошел на поправку.

Нет, этот ублюдок, который затеял большую игру, неужели не пощадил бы собственного сына?

– А потом... потом его императорское высочество потребовал от отца мою долю приданого. Гарантированного, как оказалось, еще моей бабушкой.

– И вам выделили кусок пустыни?

– Это показалось издевательством. И да, мы отправились туда лишь затем, чтобы убедиться воочию...

– И нашли нефть.

– Не мы. Оказывается, она там близко к поверхности и порой даже выходит. Местные ее тянут прямо из земли. Не скажу, что мы сразу в полной мере оценили находку. Я даже расстроилась. Что хорошего в черной жиже? Но к счастью, с нами оказался весьма грамотный человек, друг моего супруга. Он и подсказал, что из нефти можно получать керосин. Да и в целом ее как-то переделывают, а в итоге выходят такие вещества, которые нужны алхимикам. Извини, я в этом не слишком хорошо разбираюсь. Главное, что у него водились деньги. И он вложил в наши земли. Так появилось предприятие, и... все стало налаживаться.

Хорошо.

Это почти как сказка со счастливым концом, даже лучше, потому что по-настоящему.

– Потом уже, когда я стала вдовой, отец действительно пытался поставить под сомнение мои способности управлять, но тут уже я дала ему отпор. Не только сама, но и ее императорское величество. И сам император... Думаю, на меня ему было плевать, но вот отдавать отцу еще и эти земли он

не хотел. Так что все удачно сложилось.

Это да. Только для кого?

Не для отца Чарли, если так. Но... не знаю, к лучшему ли оно или нет, мне сложно рассуждать о таких вещах и о человеке, которого я никогда не видела. Был ли он хорошим или наоборот? Какая теперь разница?

– Как бы то ни было, но мне пришлось учиться. Многому. Управляющие – за ними тоже приглядывать надо. А для этого – понимать, что происходит. Заводы эти все, добыча, переработка. Оборудование. Счетные ведомости. Сколько раз меня пытались обмануть, особенно когда Гевин отошел от дел.

– Это кто?

– Друг моего мужа. Он мне очень помог в свое время. Особенно когда я осталась одна. Без него, думаю, я бы пропала.

Интересно.

– Его жена заболела, и ему пришлось переехать. В Эрштон. К морю. Там климат подходящий.

Ну да, конечно, именно в климате дело, а не в том, что этот самый Эрштон находится за пару сотен миль от моей свекровищи. Чувствую, что все там не так просто.

Чувствую и молчу.

Надо же, получается. Взрослею, что ли?

– Да. – Свекровь словно почувствовала мои мысли и улыбнулась. – О нас пошли слухи. Не самого приятного свойства, хотя они не имели под собой оснований. Гевин чересчур бла-

городен...

Мне показалось или в голосе свекрови проскользнула тень сожаления? Конечно показалось.

– Да и женат. А я не стала бы рисковать репутацией и расположением его императорского величества. В любом случае, я научилась многому. А заодно привыкла, что все теперь зависит от меня. И от некоторых привычек сложно избавиться.

Вздых.

А ведь и вправду. Ей, наверное, все это надоело хуже горькой редьки. Я вот тоже всякие дела хозяйские терпеть не могла. Ладно, заводов у нас нет, но вот скотина водилась, которую приходилось как-то обихаживать. Корм запасать. Солому. Хлев обустроить. Дрова те же самые добыть. Жуть.

– Спасибо, – сказала я осторожно.

– В свое время леди Эстервуд весьма надеялась стать леди Диксон, – добавила она очень тихо. – Но ее родители сочли, что есть более выгодный вариант. Однако она не простила этой женитьбы.

– И крови вам попортила изрядно?

– Да.

– А теперь и меня вниманием не обойдет? Может, ну его, этот бал? Скажем, что у меня голова разболелась.

Конечно, никто не поверит. Ну и плевать.

– Боюсь, это будет означать поражение. – Свекровь поднялась. – И слабость.

Ну да, а перед шакалами слабость показывать нельзя.

– Эта Грета тоже будет гадить.

– Несомненно.

– А...

– Леди Эстервуд весьма ценят. И его императорское величество тоже. Она красива. Хорошо воспитана. Умна.

Уже бесит.

– И остроумна. Не говоря уже о прочих достоинствах. Знаешь, дорогая, твоим гардеробом надо заняться всерьез.

А до этого что, в шутку было?

Я осторожненько поднялась:

– Я, вообще-то, учиться собираюсь. В университете.

Свекровь лишь отмахнулась.

– Учеба не должна мешать светской жизни, – сказала она с убежденностью.

И вот честно, я не могла сообразить, что меня больше пугает.

Глава 15

О двуногих и пернатых

Снова подвал.

И... и сперва завтрак. Какой-то такой неправильный зав-

трак, во время которого Эва не могла отделаться от ощущения, что участвует в престранном спектакле.

В нем маменька что-то радостно рассказывает о погоде и тканях, которые удалось купить, несмотря на то что купить их хотела не только она, но ей нужнее... О кружевах, лентах, грядущем бале.

Жемчужной нити.

Или броши?

Или все-таки нити? Но нить и серьги одновременно чересчур вызывающе, а броши в достаточной мере скромной и роскошной у нее нет.

Отец слушает и кивает, но взгляд его то и дело задерживается на Тори.

Та улыбается и что-то отвечает маме. Тори слегка бледновата, и потому губы ее кажутся яркими. И глаза тоже. Берт мрачно смотрит в тарелку.

И почти не ест.

– Дорогая, ты не заболела? – Маменька слегка нахмурилась. – Выглядишь усталой.

– Сон дурной, – соврала Эва, и получилось это до того легко, что сразу же за вранье стало стыдно.

– Бывает. Мне недавно принесли чудесные успокаивающие капли...

– Надеюсь, ты их не принимала. – Отец сделался еще более мрачен.

– Нет, но уснула легко, как ни странно. И даже снилось

что-то. – Маменька улыбнулась, да так ясно и хорошо, что стало очевидно: снилось ей нечто в высшей степени приятное.

– Отправь их в лабораторию. Посмотрю. – Отец аккуратно промокнул салфеткой губы. – И пожалуйста, не принимай никаких неизвестных средств.

– Но...

– Кто их принес?

– Нелис. – Улыбка маменьки слегка поблекла. – Нелис Фергюсон. Она вчера заглядывала. Спрашивала о девочках. У нее тоже дочь. И ее пригласили к Эстервудам, вот мы и побеседовали за чаем. Мода такая неопределенная сейчас, но не хотелось бы ошибиться. Все-таки первый выход в свет и такой серьезный. Многие будут смотреть. А от этого такие переживания, вот она и пришла посоветоваться... Дорогой, ну не думаешь же ты, что она решила меня отравить?

– Может, и нет. Но все равно. Не стоит.

Маменька не стала спорить, лишь чуть склонила голову, показывая, что поняла. И поглядела на Тори.

– Все-таки мне кажется, что украшения нужны разные. Брошь. И нить жемчуга. Или лучше браслет?

– Всецело доверяю твоему мнению.

– А вот платья... Я не думаю, что стоит делать их одинаковыми. Возможно, использовать те же ткани, но фасоны... или нет? Тори несколько ярче, ей не пойдет...

Отец поднялся, давая понять, что завтрак окончен.

– Эва, загляни пожалуйста, как освободишься.

Эва кивнула.

И поглядела на сестру, а та сделала вид, будто совершенно ни при чем.

Ведьма.

Самая настоящая.

Эва как-то читала роман, в котором героиня была ведьмой. То есть не была, но все вокруг думали, что она ведьма, а на самом деле все неприятности героине устроила коварная троюродная тетка, чтобы завладеть особняком и состоянием бедняжки.

Но Тори не бедняжка.

Особняка у них нет – такого, которым можно завладеть. Да и троюродной тетки, чтобы потом во всем призналась, покаялась и вымолила прощение, тоже.

– Дорогой, девочка выглядит уставшей. И она ни в чем не виновата.

– Я и не виню. – Отец сказал это очень мягко. – Просто хочу обсудить один вопрос. Относительно учебы. Два дня.

– Что?

– Через два дня нас ждут.

– Но... но мы не готовы!

– Почему?

– А платья? Их нужно сшить. И я не знаю, какие! Если брать форму пансионеров, то это как-то бедновато. Домашние? Чересчур вольно. Для прогулок? Для визитов? Боже! А

еще ничего не решено с...

– Дорогая, – перебил отец. – Я уверен, что ты со всем справишься.

– Но бал...

Отец прикрыл глаза, а Берт, кажется, отвернулся, чтобы никто не видел усмешки. Он над мамой смеется?

– Бал никуда не денется. И Эстервуды. И никто не станет вас запираТЬ в университете. Более того, если вам покажется, что там тяжело находиться, что учеба плохо сказывается на здоровье, на нервах, вы можете вернуться. В любой момент. Или просто уйти на ту же примерку или что там еще надо.

– Это все равно слишком быстро!

– К сожалению, здесь все не от меня зависит.

Маменька вздохнула и тоже поднялась.

И Тори.

Эве не оставалось ничего, кроме как встать. Пришлось по-давить зевок и...

– Эва, я жду.

– Да, отец.

В кабинете он просто посмотрел и спросил:

– Справишься? Выглядишь бледной. Устала?

Эва кивнула. Спать еще хотелось. Но ничего, она справит-ся. Тем более что будет не одна.

– А Тори... Она что, на самом деле ведьма?

– Боюсь, что так. – Отец указал на кресло. – Это многое объясняет.

– Что именно? – В другое время Эва не рискнула бы отвлекать отца вопросами. А тут то ли от усталости, то ли просто все сразу навалилось.

– Характер. У ведьм он весьма своеобразный. Моя бабушка была ведьмой. Так уж получилось. В роду Орвудов девочки рождаются редко, но если и появляются на свет, то или без Дара, или вот...

Интересно, что хуже?

– А я?

– А ты – не знаю. Может, потому, что вы двойняшки? Она забрала темный Дар, а в тебе проснулся этот... шаманский?

Эва задумалась. Стало немного обидно. Тори вечно все забирает. Сладости. Кукол. Шляпки. Платья. А теперь выходит, что начала она задолго до рождения, забрав себе и ведьминский Дар.

– Говоря по правде, я очень надеялся, что обошлось. – Отец наполнил высокий стакан. – Выпей. Не бойся, это травы.

– А капли? Машины? Что с ними не так?

– Пока не знаю. Может, и ничего. Но Шверинсон уверяет, что опиумные капли не то, что нужно леди. И я склонен ему верить. Да и возможно, опиума там нет, так, пустышка, но... как-то оно лучше взглянуть.

Эва подумала и согласилась.

От стакана пахло ромашкой и горьким ладанником, вкус которого не мог перебить ни мед, ни сироп. Она сделала гло-

ток, смиряясь с этой горечью, что теперь не отпустит долго.

– Извини. Я бы дал тебе отдохнуть, но твой... друг говорит, что стоит поспешить. Тори вытянула проклятье, но чем дольше душа находится вне тела, тем опасней. Ты видела этого человека. Ты сможешь его найти. А он постарается привести. Я, честно говоря, не слишком горю желанием проводить этот эксперимент.

Отец встал напротив окна.

Спиной к ней.

– Поэтому, если ты откажешься, я пойму. И не позволю на тебя давить.

– Я не откажусь.

– Он тебе нравится?

– Кто? – Эва почувствовала, что краснеет. Очень и очень густо. И если отец повернется, то поймет все без ответа.

– Он тебя не пугает. Это странно.

– Там... там он иной. И может превращаться в ворона. Огромного. У него перья шелковые.

– Это иллюзия, Эва.

– Как и многое другое. – Она допила отвар. – Тебе ведь Берт сказал, да? Про кольцо и... Я пробовала его снять, а оказалось, что не могу. И наверное, не только я. А сколько таких колечек? Кто их носит? Что они сделали, чтобы получить это колечко? И чем за него заплатили? И что еще делают? Все это – балы, жемчуга, наряды... Это ведь тоже иллюзия.

– Ты совсем повзрослела. – Отец повернулся и подошел, чтобы подать руку. – Не знаю, хорошо это или плохо, но в любом случае я на твоей стороне. И все мы. Орвуды своих не бросают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.